

РУССКИЕ ФЛОТСКИЕ ОФИЦЕРЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Эта статья¹ должна была стать образцом для исследователей русского флота, но не стала. Почему? Она была написана в эмиграции. Автор ее, прекрасный историк, блестяще знавший тему, но лишенный возможности работать в архивах, тем не менее попытался рассказать в своем труде, какими были русские флотские офицеры, сожалая, что «обследованный материал... почти совершенно не затрагивает артиллеристов, штурманов». Его работа на несколько лет предвосхитила исследования отечественных и зарубежных историков, которые с 50-х годов XX века начали активно интересоваться и изучать социальный состав различных слоев общества². И если на Западе труды, посвященные флоту и написанные в жанре социальной истории, были созданы, то в Советском Союзе и современной России специальных монографий, рассматривающих состав корпуса флотских офицеров, до сих пор нет.

Какие вопросы интересовали социальных историков? Самые разные — из каких социальных слоев происходили офицеры, к какой нации принадлежали (в том числе соотношение иностранцев и представителей титульной нации), каков был их образовательный уровень, имущественное положение и т.д. На эти вопросы отвечал Д.Н. Федотов-Уайт, анализируя данные, находящиеся в «Общем морском списке», и пришел к очень интересным выводам, но не будем забегать вперед. В ту часть статьи, где автор анализировал национальный состав офицеров русского флота, он включил и рассуждения о взаимоотношениях русских и иностранных офицеров, что нетипично для социальных историков. Сравнив количество иностранных и русских офицеров, Д.Н. Федотов-Уайт сделал важный вывод, что в начале XIX века флот «стал русским не только по флагу, но и по культуре своих адмиралов, капитанов и офицеров».

Остальные историки, говоря об образовательном уровне, как правило, фиксировали его в виде таблиц следующим образом: учебное заведение — столько-то человек — столько-то процентов от общего числа и так далее. Федотов-Уайт, проанализировав, сколько и откуда поступало офицеров на флот, пошел в своих исследованиях дальше. Сделав промежуточный вывод о том, что большинство офицеров заканчивало Морской кадетский корпус, он свое внимание уделил этому военно-учебному заведению, попытавшись воссоздать полную картину жизни в нем. Можно смело отнести эту часть работы к столь популярному ныне направлению исторических исследований — «истории повседневности». Выводы, сделанные Федотовым-Уайтом о Морском кадетском корпусе, подтверждены и современными исследователями³.

Следующим этапом образования морских офицеров было их участие в дальних походах и кругосветных экспедициях. И здесь Д.Н. Федотов-Уайт, анализируя ограниченный круг источников, сделал выводы, которые получили подтверждения в позднейших работах. Например, один из его тезисов — о необходимости прибегать к протекции для назначения в дальнее плавание — подтверждается в диссертации Д.Н. Копелева⁴.

Большое место в исследовании отведено изучению «общего уровня умственных интересов», включая сюда интерес к истории, литерату-

ре, живописи, экономическим наукам. Исследуя гуманитарные пристрастия офицеров, автор не мог не затронуть тему религиозности и суеверия, а также связанный с ними вопрос о влиянии масонства среди моряков. Заканчивая статью, автор анализирует политические убеждения.

Следует ли говорить о том, что все указанные вопросы, применительно к истории армии и флота, не нашли должного освещения в историографии. А в том, что они актуальны и до сих пор, сомневаться не приходится.

Предисловие было бы неполным без биографии автора. Дмитрий Николаевич Федотов родился 14 октября 1889 г. По окончании обучения в Морском корпусе, 18 апреля 1910 г., он был произведен в корабельные гардемарины (по успеваемости — 20-м из 97 воспитанников корпуса и юнкеров флота). После практического плавания в Средиземном море последовало присвоение первого офицерского чина — мичмана (6 декабря 1910 г.). Позднее Д.Н. Федотов служил на крейсере «Россия», в первые два года Первой мировой войны являлся помощником русского военно-морского агента в США, после чего, по собственному желанию, был возвращен на Балтику. Здесь в 1916 г. он «исправлял обязанности» старшего офицера эскадренного миноносца «Страшный», за отличие во время боевых действий в Рижском заливе удостоился ордена Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. Будучи с середины 1917 г. помощником военно-морского агента в Англии, отказался признать советское правительство. В 1918 г. поступил в Британский флот с чином лейтенант резерва, добавив при этом к своей фамилии вторую часть — «Уайт». Он участвовал в боевых действиях против красных на Русском Севере, командовал канонерской лодкой. Больного тифом, его вывезли в Англию, но сразу после выздоровления он уехал в Сибирь. В армии А.В. Колчака ему доверили пост начальника штаба Камской флотилии, затем, в период отступления, — флаг-капитана командующего Обь-Иртышской флотилии. В конце 1919 г. он командовал ротой в Отдельном учебном морском батальоне. После ареста адмирала Колчака оказался на занятой красными территории, с большими сложностями добрался до Москвы. Благодаря знаниям, вскоре стал одним из членов Высшего технического совета транспорта. В 1921 г. выехал в служебную командировку в США, где и остался. Пиком его новой карьеры стала должность управляющего отделением известной судоходной компании «Кунард лайн» в Филадельфии. Кроме того, он был доктором философии, доцентом кафедры истории Пенсильванского университета, автором ряда книг и статей.

Его воспоминания «Survival through War and Revolution in Russia»⁵ (Пережитое в войне и революции в России) были изданы в Филадельфии в 1939 г. В этой книге бывший старший лейтенант описал Февральскую революцию (по дневникам), затем — все основные события своей жизни до отъезда в США. Мемуары привлекли внимание многочисленных читателей — ведь в них были не только яркие, достойные романа приключения, но и интересные суждения о русском флоте и его офицерах, об адмирале А.В. Колчаке и причинах его трагического конца. В числе высоко оценивших труд Д.Н. Федотова был и известный историк Г.В. Вернадский⁶.

Дмитрий Николаевич скончался 21 ноября 1950 г. и был похоронен на филадельфийском кладбище Вэлли-Фордж.

¹ Впервые опубликована: Федотов-Уайт Д.Н. Русские морские офицеры начала XIX столетия // С берегов Америки: Юбилейный исторический сборник Общества русских морских офицеров в Америке. 1923—1938 / Под ред. С.В.Гладкого и Ю.К.Дворжицкого. Нью-Йорк, 1939. С. 115—169.

² В советское время возможность исследовать офицерский корпус была лишь у академика П.А.Зайончковского, однако в своих трудах он рассматривал только армию. Укажем, например: Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М., 1973; Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А.Зайончковский, 1904—1983 гг.: статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 24—69.

Как пример таких работ, касающихся флота, можно привести: Lewis M.A. Social History of the Navy, 1793—1815. London, 1960; Lewis M.A. Navy transition 1814—1864: a Social History. London, 1965.

³ Козюренко К. Л.: 1) Морской Шляхетский кадетский корпус во второй половине XVIII века по воспоминаниям современников // Феномен Петербурга. СПб., 2001. С. 369—375; 2) Петербург и Морской Шляхетский корпус в первой четверти XIX века (по воспоминаниям его воспитанников) // Феномен Петербурга. СПб., 2002. С. 524—534.

⁴ Копелев Д.Н. Офицеры немецкого происхождения на службе в российском флоте (первая половина XIX века). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 128—134.

⁵ Fedotoff White D. Survival through War and Revolution in Russia. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1939. 395 p.

⁶ Положительную рецензию Г.В.Вернадского см.: The American Historical Review. 1939. Vol. 45. № 1. P. 151—152.

*Посвящается памяти морского историка
Крестоносца Гроба Господня
капитана 2 ранга Н.Д.Каллистова*

Николай Васильевич Гоголь вывел в «Женитьбе» флотского офицера в отставке лейтенанта Жевакина 2-го, которого сваха Фекла описывает Подколесину: «а говорит-то, как труба... Славный жених».

В разговоре с доктором Тарасенковым Гоголь заметил, что «морьяк Жевакин должен быть смешнее всех». Автор «Женитьбы», по-видимому, сам рассматривал Жевакина как шарж, карикатурно утрированный тип. Таким образом, русский флотский офицер начала XIX века вошел в русскую классическую литературу преломленным в призме беспощадного гоголевского юмора.

А.Марлинский (Бестужев) в своих «Лейтенант Белозор» и «Фрегат Надежда» и, также, В.И.Даль в «Мичмане Поцелуеве» вывели несколько офицеров флота начала прошлого века в числе героев этих повестей.

Оба эти автора были хорошо знакомы с флотской средой. Первый — по своим плаваниям на учебной эскадре Морского корпуса и через своих братьев-декабристов, служивших на флоте. Второй окончил курс Морского корпуса и, таким образом, сам принадлежал к флотской семье.

Трактовка морского офицера различна у всех этих писателей. Если гоголевский лейтенант представлен в смешном виде, то моряки Марлинского озарены лучами романтизма. Может быть, не следует рассматривать их как Амалат-Беков соленой воды, но, во всяком случае, они едва ли верно отражают характерные черты облика флотского офицера начала XIX века. Зато Даль оставил нам образ мичмана Поцелуева, стоящий гораздо ближе к действительности. Поцелуев — настоящий живой мичман-черноморец, а не карикатура, как Жевакин, и не байронический герой, как Правин и Белозор.

Однако, несмотря на большую разницу как в основном подходе, так и в трактовке, можно все же найти много общих черт, с одной стороны, между Жевакиным и Правиним, поверхностно так различными, а с другой — между коллективными портретами моряка-сенявинца и моряка-декабриста, нашедшими свое отражение в современных им мемуарах и записках.

Благодаря довольно многочисленным трудам моряков-декабристов и книгам участников средиземноморских походов и «дальних вояжей» начала прошлого века, есть возможность воссоздать, хотя и в самых общих чертах, образ русского флотского офицера того времени.

Материалы архива Мордвиновых, воспоминания П.В.Чичагова и адмирала Шишкова проливают свет на образ мысли и характер некоторых из наиболее выдающихся флотских офицеров, имевших влияние не только на развитие флота, но и на политико-общественную жизнь современной им России. Изучение этого исторического материала показывает, что Гоголь верно подметил ряд черт, характерных для современного ему рядового флотского офицера. В Жевакине прежде всего бросается в глаза его устремленность к Западу.

Лейтенант Жевакин много плавал за границей. Еще в конце XVIII века он был в походе в Средиземное море «...в 95 году, когда была эскадра наша в Сицилии». Затем он совершил кругосветное плавание в 1814 г. Неудивительно поэтому, что фрак сшит из английского сукна, купленного им за границей.

За свою стоянку в Сицилии Балтазар Балтазарович выучил несколько итальянских фраз и не забыл их за годы, проведенные в отставке, — он все еще помнит, как спросить хлеба или вина по-итальянски. Упоминание о встречах и дружбе с английскими морскими офицерами очень характерно: «...ну, народ, так же как и наши, — моряки».

Гоголевский лейтенант — человек бедный. Как Фекла говорит: «Только не погневайся: уж на квартире одна только трубка и стоит, больше ничего нет, никакой мебели». Фрак его перешит из мундира, построенного еще в 1795 г, по-видимому, и питается он также более чем скромно: «селечку съел с хлебом»... Однако его совершенно не смущает замечание Кочкарева, что у Агафьи Тихоновны нет никакого приданого. Балтазар Балтазарович не корыстолюбив. Он мечтает о счастье с Агафьей Тихоновной: «Небольшая комнатка, этак здесь маленькая прихожая, небольшая ширмочка или какая-нибудь в роли этаккой перегородки». По-видимому, Жевакин — безземельный дворянин, существующий на скудную пенсию флотского оберофицера.

Земледелие его совершенно не интересует. Когда его спрашивает Павел Иванович, пашет ли сицилийский мужик, он отвечает: «Не могу вам сказать: не заметил, пашут или нет».

Мысли Балтазар Балтазаровича постоянно возвращаются к флоту, к товарищам по кают-компаниям кораблей, на которых он плавал. Едва ли он вышел в отставку по своей охоте — скорее, он один из многочисленных офицеров, которым не было места на флоте, постепенно сводимом на нет маркизом де Траверсе, александровским морским министром. Жевакин говорит то о третьей эскадре, на которой плавал бессмертный мичман Дырка, то об эскадре капитана Болдырева, на которой его сослуживцем был смешливый мичман Петухов. Его лицо не утеряло загара и обветренности, при-

обретенной за годы «дальних вояжей», которыми он гордится и ставит за главное свое отличие от прочих женихов девицы Купердягиной: «Хотели бы вы, сударыня, иметь мужем человека, знакомого с морскими бурями?» Наивно? Да, конечно, наивно. Жевакин легко становится жертвой кочкаревской интриги. Он не искушен в людских отношениях, доверчив и простодушен. Но он — порядочный человек из всех женихов Агафьи Тихоновны. Он один ведет себя, как джентльмен.

Балтазар Балтазарович влюбчив, и в его заграничных воспоминаниях «итальяночки такие розанчики, так вот и хочется поцеловать»; «красоточки черномазенькие», даже детали женского туалета им не забыты: «здесь у нея какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамские разные сережки»... «манишечка, платочек». Он не прочь выпить: «покажешь, бывало, эдак на бутылку или стакан — ну, тотчас и знаешь, что это значить выпить». Еще одна мелкая, но интересная черта. Жевакин чистоплотен и не терпит даже пылинки на своем старом вытертом фраке: «Вон там, пожалуйста, сними пушинку». Видимо, эта черта шла вразрез с современными ему русскими нравами и казалась смешной.

Пожалуй, уместно также отметить вежливость Балтазар Балтазаровича не только с равными, но и с прислугой.

Расстанемся теперь с неудачливым женихом Агафьи Тихоновны и постараемся разобраться, что за люди были на самом деле русские флотские офицеры, современные герою «Женитьбы». К сожалению, обследованный материал относится главным образом к флотским офицерам и почти совершенно не затрагивает артиллеристов, штурманов, корабельных офицеров, офицеров ластовых экипажей, морских врачей и судового духовенства. Таким образом, придется говорить почти исключительно о первых, упоминая о других чинах флота и Морского ведомства только попутно.

Кто же такие были флотские офицеры, начавшие службу в царствование Павла Петровича и Александра I, бывшие, таким образом, главным ядром плавающего состава в начале XIX века? «Общий морской список» дает нам в своей шестой части исчерпывающие сведения как о национальности офицеров, пополнявших флот в эти царствования, так и о прохождении ими службы или учебных заведений, в которых они обучались до производства в офицерский чин¹.

Прежде всего, бросается в глаза, что приток иностранных офицеров во флот очень незначителен. Из 313 флотских офицеров, произведенных за царствование Павла Петровича, только один, граф С.И. де Традерн (де Тредевию) перешел в русский флот из иностранного, французского. «Общий морской список» упоминает также о переходе на русскую службу выдающегося французского корабельного инженера Я.Я. Брюна Сен-Катерин, впоследствии назначенного инспектором Корпуса корабельных инженеров.

Из 312 офицеров, получивших свою подготовку к службе на флоте в России, 215 окончили Морской шляхетский кадетский корпус, причем два из них были переведены в корпус из капралов гвардейских полков; 35 офицеров получили образование в основанном Потемкиным Черноморском корпусе, 13 — в Херсонском; 9 поступили на флот волонтерами, 14 были воспитанниками Корпуса чужестранных единоверцев, 2 окончили гимназии при Морском шляхетском кадетском корпусе, 2 были переведены из Гатчинского морского батальона². 22 были произведены в гардемарины, по-ви-

димому, помимо обучения в кадетских ротах корпуса. Относительно их в «Списке» нет сведений, где они получили образование до назначения на флот в этом звании. Несмотря на большую пестроту в способах комплектования офицерского состава флота, питомцы Морского шляхетского корпуса все же составляли подавляющее большинство, их было 69 % от общего числа. В Балтийском же флоте этот процент был еще выше, так как воспитанники Черноморского и Херсонского корпусов, естественно, выходили на суда и в учреждения Черноморского флота.

Среди получивших образование в Корпусе чужестранных единоверцев преобладают имена греческие: Лизгари, Михайли, Попандопуло, Хаджиогло, Целепи, Варваций и т. д. В Черноморском и Херсонском корпусах также воспитывались юноши с греческими фамилиями: Кастели, Мавромихаили, Ризо, Брио, Возианов и т. д. Кадеты с греческими фамилиями встречаются и среди питомцев Морского шляхетского кадетского корпуса: Гаврино, Христофоров, Милонас, Ламброс и т. д. В числе питомцев Черноморского корпуса встречается лицо, носящее румынскую фамилию Дическуль.

Главную группу лиц с иностранными фамилиями составляли офицеры, происходившие из народностей средиземноморского бассейна — левантийцы, как их тогда называли: греки, итальянцы, далматинцы и т. д. В царствование Павла Петровича лиц с такими фамилиями было произведено в офицеры флота 32 человека — более 10 % — процент очень значительный. Затем было 3 офицера с английскими (британскими) фамилиями, 18 с немецкими, один с румынской и два квартерона — Абрам Исакович и Иосиф Ганнибалы.

Мы уже говорили о графе Традерне — французе. Таким образом, лиц с иностранными фамилиями было всего 67 человек, или более 21 % от общего числа произведенных в это царствование³.

Социальный состав офицеров флота довольно трудно точно установить. В Морской шляхетский корпус принимали детей потомственных дворян. Однако указания «Общего морского списка» заставляют думать, что были исключения, так, например, Алексей Степанович Степановский был переведен в корпус из придворных певчих. Среди офицеров, носивших иностранные фамилии, возможно, были лица, родители которых не имели российского потомственного дворянства. Этот вопрос подлежит рассмотрению специалистами генеалогов. Очевидно, однако, что большинство офицеров флота этого периода происходило из потомственных дворян. Титулованных среди них было немного — князья братья Кекуатовы, князь Мансуров, трое братьев князей Шихматовых, князь Кропоткин и двое братьев князей Путятинных — этим и исчерпывается список лиц российских семей, произведенных в офицеры флота при императоре Павле Петровиче. Среди лиц, носивших иностранные фамилии, также было несколько титулованных — например, барон фон Муфель, фон Штейнгель, фон Шлиппенбах. В списке встречается много фамилий, носители которых служили на флоте и в последнее царствование — Завалишин, Ирещкий, Кавелин, Паренаго, Попандопуло, Сахновский, Ставицкий, Хвитский, Хомутов, Бунин, Гагемейстер, Бибииков, Арцыбашев, Азарьев, Вередеревский, Лупандин — представители этих семей служили на флоте во время мировой войны.

Списки офицеров, произведенных в царствование императора Александра I, не удалось проанализировать полностью. Было взято

171 имя в алфавитном порядке в расчете, что разбор этого числа имен даст приблизительную картину для всего офицерского состава производства этого царствования.

Из 171 офицера 117, или 68 %, окончили Морской корпус в Петербурге; Черноморский корпус — 10, из унтер-офицеров морской артиллерии — 2, из штурманских училищ — 6, из Херсонской подвижной милиции — 14, из Училища чужестранных единоверцев — 1, из волонтеров — 5; о 27, произведенных в гардемарины, не имеется сведений относительно их образования до службы на флоте. Только один иностранный офицер — барон Фридрих Фридрихович Армфельт — был принят из шведской службы капитан-лейтенантом. По сравнению с производствами Павла Петровича заметно прекращение притока из Корпуса чужестранных единоверцев, который перестал существовать, и появление флотских офицеров, прошедших курс штурманских училищ, а также произведенных из унтер-офицеров морской артиллерии. Помимо этого видно усиление притока в гардемарины (главным образом в Черноморский флот) лиц, не получивших подготовки в учебных заведениях Морского ведомства, об образовании которых в «Списке» не имеется сведений. Однако питомцы Морского корпуса в Петербурге продолжают численно преобладать, и среди них, почти исключительно, находятся носители фамилий, представители которых продолжали из поколения в поколение служить на флоте. Азарьевы, Анжу, Арцыбашевы, Балки, Баклашины, Бартеневы, Барташевичи, Бахирев, Бачманов, Безобразовы — это все фамилии, хорошо знакомые нашему поколению флотских офицеров. Носителей «средиземноморских» фамилий найдено 10, английских — 3, французских — 1, немецких — 4, румынских — 1.

Таким образом, заметно падение притока лиц с греческими, итальянскими и южно-славянскими фамилиями, что было вызвано, с одной стороны, закрытием Черноморского корпуса, а с другой — ликвидацией средиземной политики России в прежних ее масштабах.

Даль в своем «Мичмане Поцелуеве» упоминает о новгородцах, поступавших в Морской корпус в начале XIX века и ранее в таком числе, что корпусной «язык» был наводнен занесенными новгородскими словами⁴.

Факт наличия среди флотских офицеров рассматриваемого периода значительного процента лиц с фамилиями, указывающими на принадлежность к этническим группам средиземноморского бассейна, заслуживает специального рассмотрения. Русский флот еще со времен Петра Великого имел в рядах своих офицеров выходцев с побережья Средиземного моря — талантливый Боцис был в числе первых флагманов русского флота. Однако массовый приток лиц греческого и итальянского, также как южно-славянского, происхождения в конце XVIII века стоит в тесной связи с турецкими войнами, Архипелагской экспедицией и средиземноморским периодом русской политики Екатерины II, Павла Петровича и начала царствования Александра I.

В архиве графа Мордвинова помещен список офицеров Черноморского флота, отличившихся при взятии Измаила. Этот список пестрит «средиземноморскими» фамилиями: Стамати, Марангопуло, Кондогурии, Глези, Саморупо, Ангилато, Станшич, Паниторов, Янопуло, Калимери, Рицардопуло и т. д.

Из офицеров, упоминаемых в «Списке», 25 носят «средиземноморские», 3 — западноевропейские фамилии. Лиц с русскими фамилиями упомянуто 8. Правда, в этот список включены лица, служившие в черноморских морских батальонах, которыми был укомплектован гребной флот. Среди офицеров флота, как таковых, отношение лиц с иностранными фамилиями к носившим русские совершенно иное: из восьми упомянутых офицеров только двое носят греческие фамилии. Однако этот длинный список чинов с греческими фамилиями производит впечатление, что по крайней мере гребной флот в этот период был наводнен выходцами с берегов Средиземного моря⁵.

В списке награжденных за бой при Калиакрии (1791 г.) офицеров корабельного флота из семи капитанов I ранга двое носят средиземноморские фамилии (Михайло Чефалиано и Николай Кумани), остальные — русские. Первый из них поступил в русскую службу на флот в Средиземном море, а второй жил в России колонистом в Астрахани, занимаясь там шелковичным производством, и службу на флоте начал в 1769 году в эскадре адмирала Спиридова⁶.

Любопытно, что в списке офицеров, представленных к наградам в 1792 г. из служивших в береговых учреждениях Черноморского флота, лиц с иностранными фамилиями вовсе нет — Голенкин, Баскаков, Пустошкин, Фалеев, Овцын, Доможиров, Федотов, Князев, Струговщиков и т. д.⁷

Создается впечатление, что должности в береговых учреждениях были прочно заняты офицерами русского происхождения, в то время как на гребном флоте такие офицеры были в меньшинстве. На корабельном флоте, по крайней мере среди старших чинов, офицеры с русскими фамилиями составляют большинство, но среди них имеются офицеры греческого происхождения, поступившие на службу во время Архипелагской экспедиции. Иностранной офицерский состав гребного флота был, по-видимому, далеко не всегда на должной высоте. Так, адмирал Н.С.Мордвинов писал в марте 1788 г. секретарю Потемкина Попову: «...прошлою осенью... батареи потеряли оттого, что командиры галер были люди, собранные с улиц, и хотя морские, но служили только на купецких судах»⁸.

Даже известный лейтенант Ломбард в глазах Мордвинова наполнял свои письма к Потемкину «явной ложью и бесстыдным хвастовством»⁹.

Однако при нехватке офицеров, получивших подготовку в учебных заведениях Морского ведомства, как при походах в Средиземное море, так и при обороне лимана во вторую турецкую войну, приходилось пользоваться услугами иностранцев, имевших морской опыт. О некоторых из этих офицеров Черноморское правление в 1797 г. не могло даже представить сведений об их местонахождении. Как пишет Мордвинов императору Павлу I: «...производимы они были за службу... особыми начальниками, имевшими на то власть, и потом причисляемы в ведомство Правления без обстоятельного от тех команд, где они состояли, сведения»¹⁰.

Как Мордвинов писал Попову в 1787 г.: «Пришлите к нам по почте лейтенантов и мичманов... сухопутных офицеров и шкиперов иностранных принужден употреблять командирами на суда»¹¹.

В списке «греков и других левантских жителей», состоявших в ведомстве Черноморского административного правления, представ-

ленном Мордвиновым в 1797 г, значилось 2 капитан-лейтенанта (Марангопуло и Стамати), 6 лейтенантов, 4 мичмана, 5 других чинов. Затем имевших сухопутные чины — 1 подполковник, 15 секунд-майоров, 5 капитанов, 10 поручиков, 11 подпоручиков, 21 прапорщик и 1 констанель морской артиллерии, а всего 73 человека.

Кроме того, в Черноморском гренадерском корпусе числились: 1 секунд-майор, 1 капитан, 3 поручика, 1 прапорщик, всего же 6 человек.

В списке уволенных от службы офицеров, поступивших «в прошедшую с турками войну», числилось 53 человека, а служивших «корсарам и волонтерами» 76 человек. «Неизвестно, где находятся» 35 человек, в том числе 1 секунд-майор. Во всех списках упоминается 243 человека. Цифра очень значительная, если вспомнить, что за все царствование Павла Петровича во флотские офицеры было произведено всего 313 человек. Некоторые из списков упоминают о сословном происхождении этих офицеров из иностранцев — так, лейтенант Михаило Вальяно «из греческих дворян», Дмитрий Кондури, Иван Кондогури и Зосим Михайлопуло из «венетских купцов», подполковник Георгий Кандиот «из старшинских детей», капитан Иван Типальдо из «венетских дворян», а поручик Антон Гаврино «из обер-офицерских детей». Поручик Савва Степанович «из черногорских дворян». Большинство, однако, показано просто из «греков» или из «венетцев»¹².

Ламбро Качиони писал Мордвинову в 1788 г: «...производя с моим арментами корсе, довел, что весь архипелаг дрожал... Порты Оттоманская... принуждена была вооружить и отправить против меня 18 великих и малых судов»¹³. Правда, Мордвинов считал, что Ламбро Качиони «рассудка... слабого, тщеславия великого, а честность его не выходит из пределов корсаров»¹⁴. Не подлежит все же сомнению, что эти «левантские жители», принятые на русский флот, принесли пользу и оказали значительную помощь во время войны с турками.

По окончании военных действий «находящиеся в отпусках по большей частью занимаются коммерческими делами»¹⁵.

Ф.Веселаго, отзываясь с уважением и похвалой о таких екатерининских офицерах из иностранцев, как Кроун, Тревенин, Вальян, Денисон, Кингсберген, Трейги, Огильви, Бойли, Греве и т. д., пишет, что «наводнили наш флот, особенно гребной, масса ничем не замечательных иностранцев, которые при незнании языка, неуместной заносчивости и гордой самонадеянности принесли больше вреда, нежели пользы»¹⁶.

В один только 1792 год в Черноморский флот было назначено 22 офицера из англичан¹⁷.

Отношение русских флотских офицеров к нахлынувшим на флот иностранцам было далеко не всегда дружелюбным. Уже упоминалось об отзывах Мордвинова о Ломбарде. Тот же Мордвинов просил светлейшего Потемкина предписать Нассау-Зигену, «чтобы он следовал обычному военному порядку и правилам»¹⁸. В романе Е.Селиаса «Граф Тятин Балтийский» очень правдоподобно описано настраивание русского флотского офицера к некоторым из их сослуживцев иностранцев: «...корабль весь готов... Ну, стало, теперь его можно отдать первому попавшемуся проходимцу, какому-то шатуну, только потому, или именно за то, что он не знает ни слова по-русски и пришел к нам из тех треклятых стран, откуда приходят все наши

погубители вроде Миниха да Бирона, и хоть бы этого принца Насау, изменника и вора, который не нынче завтра продаст нас Густаву и погубит сотни кораблей и тысячи людей». Что были достаточные основания подозревать некоторых из иностранных офицеров в игре на два фронта, показывает случай с капитан-лейтенантом Черноморского флота англичанином графом Монтегю, который был в 1794 г. арестован по высочайшему повелению и послан под конвоем в Петербург к генерал-прокурору Самойлову. Монтегю был «изобличен собственноручным письмом и сам признался в шпионстве», за что и был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь на каторжные работы¹⁹.

Этот наплыв иностранцев в русский флот в царствование Екатерины II представляет резкий контраст с комплектованием состава флотских офицеров в царствование Павла Петровича и Александра I. Список командиров кораблей эскадры Сенявина, блокированной в Лиссабоне, в этом отношении очень поучителен: из десяти только один, Шельтинг, носит иностранную фамилию, все же остальные — русские: Малеев, Бычинские, Рожнов, Митьков, Ртищев, Малыгин, Развозов, Дурнов²⁰.

Таким образом, в конце XVIII века произошел большой сдвиг в вопросе комплектования флота офицерами, и в начале XIX века иностранцы поступали офицерами на флот только в виде исключения, в противность практике екатерининских времен. Флот, таким образом, стал русским не только по флагу, но и по культуре своих адмиралов, капитанов и офицеров, так как дети офицеров иностранцев, пройдя курс Морского корпуса, уже влились в общее культурное русло и не чувствовали себя чужими наемниками.

В 1805 г. Владимир Броневский, отплывая в Средиземное море в эскадре Сенявина на 74-пушечном корабле «Св. Петр», построенном мастером Курочкиным в Архангельске и имевшем «все добрые качества военного корабля», мог с гордостью писать: «...флот наш строится теперь российскими мастерами, управляется российскими адмиралами, капитанами и офицерами»²¹.

В отношении учебной подготовки морских офицеров начала XIX века обследованный материал заставляет сузить исследование к Морскому корпусу в Петербурге. О черноморских корпусах, о штурманских и других училищах, подготовлявших офицеров-специалистов, к сожалению, имеются лишь отрывочные сведения. Мемуаристы-моряки начала XIX века, книги которых были доступны автору, все были питомцами Морского корпуса в Петербурге. Так как среди собственно флотских офицеров этого периода главное ядро составляли выпущенные из Морского корпуса, то обследование этого одностороннего и неполного материала все же делает некоторое приближение к понятию о воспитании и обучении будущих офицеров флота начала прошлого века.

Броневский в своих «Записках морского офицера» даже утверждает, что «морские офицеры, исключая немногих, воспитываясь в Морском корпусе, как в единой колыбели, чрез привычку и одинаковые нужды с младенческих лет, связуются узами дружбы»²². Таким образом, в 1805 г. офицер Балтийского флота считал, что на судах этого флота чуть ли не все офицеры были питомцами Морского корпуса.

Член Адмиралтейств-коллегии, посетивший Морской шляхетский кадетский корпус в марте 1760 г, нашел, что «кадеты в пище

содержатся не весьма исправны, ибо хлебы явились черны и квасы нехороши, да и учителя обучают кадет без основания и доказательств и для обучения потребных к тому книг не имеется». Учебниками пользовались переводными, и поэтому в результате замечаний инспектирующего члена Адмиралтейств-коллегии было подтверждено учителям Кривову и Четверикову донести, какие книги ими уже переведены на русский язык, а «ежели и поныне не переведены, то учителей к переводу тех книг принудить».

Корпусное начальство, в свое оправдание, доносило, что во исполнение указа коллегии преподавательскому составу было указано обучать «со основанием и доказательством причин, что, почему и отчего происходит» и утверждало, что учителя ведут дело обучения кадет со всем старанием²³.

С назначением директором корпуса И.Л.Голенищева-Кутузова (1764 г.) дело преподавания было улучшено. Для подготовки учителей была создана в помещении корпуса гимназия. В ней обучалось 50 человек из обер-офицерских детей, а также сыновей нижних чинов и учеников, переведенных из духовных семинарий. Воспитанники этой гимназии проходили все преподаваемые в корпусе науки наравне с кадетами и гардемаринами. Учительский состав корпуса пополнялся из числа окончивших успешно курс гимназии, которая просуществовала до 1827 г. Офицерский состав корпуса был поставлен в привилегированное положение в материальном отношении. За непрерывную пятилетнюю службу стало производиться полуторное жалование, а за десятилетнюю — двойное²⁴.

По штату 1764 г. была увеличена сумма, отпускаемая на содержание воспитанников и воспитателей, а в Кронштадте отведен дом для помещения гардемарин, назначаемых в плавание на флот. В это время в строевом отношении корпус был сведен в батальон, а его комплект установлен в 360 воспитанников, не считая 60 артиллерийских кадет и 50 воспитанников класса геодезии, набираемых не из дворян, в то время как основной состав корпуса комплектовался детьми потомственных дворян.

В 1771 г. положение корпуса изменилось к худшему, вследствие его перевода в Кронштадт после пожара в занимаемом им здании.

Об этом периоде имеются очень интересные воспоминания декабриста барона Штейнгеля, поступившего в 1792 г. в 3-ю кадетскую роту, которой командовал П.В.Чичагов, впоследствии морской министр. Ротный командир, сын знаменитого екатерининского адмирала, совершенно не занимался своей ротой, фактическое руководство которой всецело было в руках его помощника Александра Петровича Кропотова. Директор корпуса жил безвыездно в Петербурге, и корпусом ведал капитан I ранга Н.С.Федоров, по словам Штейнгеля, человек грубый и малообразованный, не имевший понятия о правильной методе воспитания. Штейнгель намекает, что Федоров, а за ним ротные командиры, действовали совместно с заведующим хозяйством (по тогдашнему гофмейстером) Жуковым в целях личной наживы, в результате чего «содержание кадет было самое бедное. Многие были оборваны и босы»²⁵.

Тот же Штейнгель указывает, что плохо оплачиваемые учителя были «все кое-какие бедняки и частью пьяницы» и не пользовались никаким уважением со стороны воспитанников.

Программы занятий были бессистемны: по математике заучивали наизусть Эвклида. О русской литературе воспитанники не име-

ли никакого понятия. Дисциплина была жестокая: «капитаны, казалось, хвастали друг перед другом, кто из них бесчеловечней и безжалостней сечет кадет». В дежурной комнате, где секли наказанных, целый день слышались вопли воспитанников. Экзекуции проводились следующим образом: два дюжих барабанщика растягивали виноватого на скамейке, держа его за руки и за ноги, двое других с обеих сторон изо всей силы били розгами, так что кровь текла ручьями и тело раздиралось на куски. Давали до 600 ударов и даже более, и наказанных относили прямо из дежурной комнаты в лазарет.

Другим способом наказания был арест в пустой, как тогда назывался карцер. Штейнгель говорит об этой пустой: «...смрадная, гнусная, возле самого нужного места, где водились ужасные крысы». Во время ареста воспитанникам выдавались лишь хлеб и вода. В классах учителя били учеников линейкой по голове, ставили голыми коленями на горох.

Помещения кадет в Кронштадте содержались из рук вон плохо: стекла даже зимой были выбиты во многих окнах, дров на отопление отпускалось недостаточно, и кадеты пополняли запас топлива, воруя дрова из адмиралтейства, куда они лазили через забор.

Штейнгель утверждает, что кадеты презирали и ненавидели своих учителей и временами составляли заговоры для избивания офицера или учителя, особо досадивших им. Нравы были чуть не грубее бурсы, описанной Помяловским. В корпусе пили водку, посылая младших кадет в кабаки за штофами²⁶.

Эти спартанские нравы развивали в кадетях необычайную спайку. Принцип невыдавания товарищей проводился неуклонно. Начальство, расследуя какую-либо проказу воспитанников, несмотря на самые жестокие истязания заподозренных, не могло добиться никакого другого ответа кроме «не знаю»²⁷.

Кадеты особенно ценили тех ротных командиров, которые следили за тем, чтобы их прилично кормили. Штейнгель упоминает об инциденте с капитаном Быченским, которому кадеты пожаловались, что за ужином каша была подана с салом, а не с маслом. Тот приказал позвать главного кухмистра Михайлыча и бить его палками тут же перед кадетами, после того как ему измазали лицо кашей.

Гардемарини занимали в отношении кадет положение, похожее на существующее в английских частных школах: Итоне, Винчестере и т. д., где старшие воспитанники требуют и пользуются личными услугами младших учеников. Старшие гардемарини, по словам того же Штейнгеля, «употребляли [кадет], как сущих своих дворовых людей». Сам Штейнгель, будучи кадетом, подавал гардемаринам умываться, снимал с них сапоги, чистил их платье и даже перестилал постель.

После смены Федорова в 1794 г. Петром Кондратьевичем Карцовым, который впоследствии сделался директором, порядок жизни и образ обучения резко изменился. Вместо зазубривания наизусть Эвклидовых стихов в течение трех лет, стали преподавать математику по курсу Безу, начиная с арифметики, а не с геометрии, как раньше.

Штейнгель говорит, что он был в числе первых обучавшихся по новой методе. Его учителем был некто Романов, «знающий свое дело и прилежный». Кроме математики учили еще грамматике, истории, географии, рисованию, но «кое-как, заставляли твердить наизусть то, что не понимал»²⁸.

В гардемаринины производили иногда совсем юных детей. Штейнгель был произведен в двенадцать лет. Гардемарин назначали по желанию на флот, и тех, кто пошел в эскадре адмирала Ханькова в Англию, произвели в мичманы на следующий год.

Гардемарины ходили летом в плавание до Ревеля, а оттуда крейсировали по понедельникам в целях обучения. В гардемаринских классах учили навигацию и астрономию. Преподавателем Штейнгеля был человек с гоголевской фамилией Балаболкин, передразнивая которого, гардемаринины кричали: «Вот, вот, истинный курс корабля!» Кроме судоводительских наук гардемаринам преподавали также артиллерию и фортификацию. В отношении артиллерии обучение сводилось к копированию чертежа устаревшего образца пушки, а по фортификации заставляли зазубривать терминологию. Обучению иностранным языкам, по-видимому, придавалось в то время большое значение.

Из старших гардемарин часть производилась в урядники-сержанты и унтер-офицеры, причем при производстве принимались отметки по проходным наукам²⁹.

Дежурство по корпусу — «стоять на главном» — назначалось за неделю вперед: один из ротных командиров (капитан), в помощь которому придавались капитан-поручик или поручик и подпоручик. Капитан назначал из своей роты главного по дежурству сержанта из чиновных (т.е. унтер-офицеров или сержантов) или из гардемарин. На обязанности последнего лежала выписка порций по наличному составу и наблюдение за исправностью приготовления пищи и за порядком во время стола. Тот же дежурный сержант наблюдал за сбором серебра со столов и тишиной в классах.

Штейнгель уверяет, что табели на булки велись дежурным нечестно. Приписывались лишние булки, за счет которых хлебник пек сержанту особые хлеба. Каждый дежурный по роте также прибавлял в своей ротной табели число булок, и главный дежурный, отпуская булки в роты, удерживал несколько в свою пользу, рассылая их потом по своим друзьям. Главный кухмистер Михайлыч, который, по словам Штейнгеля, «воровал пренеправно», давал дежурному сержанту сахар, изюм, чернослив и готовил для него торты и другие пирожные. Штейнгель сурово осуждает эти обычаи, видя в них школу «так служа, наживаться. Кривить душою и грабить; ибо кто был смелее, дерзостнее обманывал своего капитана и более снисходил к плуту Михайловичу, у того после главного дежурства оставалось»³⁰.

С восшествием на престол Павла Петровича корпус тотчас же перевели в Петербург. Наступило улучшение в быте и воспитании кадет и гардемарин. Как Штейнгель говорит, «ничего похожего на спартанское не осталось, хотя соединили с греками», намекая на Корпус чужестранных единоверцев, где воспитывались главным образом сыновья греков.

Павел I горячо интересовался корпусом. «Занялся задранными», по выражению Штейнгеля. Император посещал корпус лично, часто и внезапно. Как-то пробуя пищу в столовом зале, его величество, по свидетельству Штейнгеля, спросил директора: «Логин, не обманываешь ли ты меня, всегда ли у тебя так хорошо?»

После перевода в Петербург началось преподавание высшей математики и теории кораблевождения. К этому же времени относится начало деятельности незабвенного П.Я.Гамалея, замечательного ученого, человека необыкновенной кротости и доброты, самый строгий выговор которого был «братец нечаяной»³¹.

Деятельность Павла I, безусловно, принесла огромную пользу делу воспитания будущих офицеров флота. В этой области следы его работы ясно видны. На расширение корпусных строений была отпущена крупная по тому времени сумма в 100 000 рублей³².

В это время для заведования корабельными лесами был учрежден «лесной департамент», подведомственный Адмиралтейской коллегии, а для образования следующих лесничих при корпусе создали еще одну школу — форштмейстерский класс.

По-видимому, реформа корпуса в царствование Павла Петровича все же не устранила некоторых серьезных недочетов в деле подготовки офицеров флота, так как в рескрипте Александра I от 21 июня 1802 г. на имя морского министра адмирала Мордвинова говорилось: «...по донесению вашему о неисправностях и худому положении Морского кадетского корпуса, нашел я нужным определить в оный директором вице-адмирала Карцова»³³.

Михаил Бестужев в своих воспоминаниях о брате Николае, учившемся в период деятельности в корпусе Гамалея, описывает положение вещей, значительно отличающееся от мрачной картины, нарисованной Штейнгелем. Николай Бестужев отзывался о Платоне Яковлевиче Гамалее как о благодетеле, о человеке, которому он был обязан лучшей частью своего нравственного достояния. Пламенная любовь к науке, неутомимость в занятиях, «нрав тихой, ровной, кроткой ...оттенок дружеский, — отеческой любви в обращении с кадетами», характеризовали этого замечательного педагога.

«Любите науку, братцы, для самой науки, а не для того, чтобы надеть эполеты; невежда офицер похож на животного... под золотым чепраком с длинными ушами», — убеждал он выпускников гардемарин.

Но и Гамалея не смог сразу полностью наладить обучение в корпусе. Бестужев говорит, что в образовании, даваемом кадетам, «был какой-то хаос, отсутствие всякой системы, какое-то бессмысленное препровождение времени в классах... учебников никаких не было; каждый преподавал что и как ему вздумалось по бестолковым запискам». Диктование этих записок занимало большую часть классного времени.

Гамалея поставил себе за цель искоренить это зло и принялся за составление руководств по всем предметам наук, проходимых в корпусе. Свой труд он начал с астрономии, навигации и высшей математики. За этими курсами последовали учебники алгебры, теории и практики кораблевождения.

Влияние Гамалея на воспитанников корпуса было огромное. Бестужев передает со слов брата, что «мы нетерпеливо дожидались, чтобы бежать в класс к Платону Яковлевичу... с какой любовью и почтительным уважением мы смотрели на этого худенького, сгорбленного старика»³⁴.

Д.И.Завалишин, поступивший в корпус в 1816 г, назначенный в третью роту, которой командовал капитан-лейтенант М.М.Геннинг, упоминает в своих «Записках», что ротный командир очень заботился об удобстве и доброкачественности обмундировки кадет. Однако, по-видимому, в других ротах дело обстояло далеко не так хорошо, как у Геннинга, так как Завалишин пишет о неуклюжих и рваных мундирах, тесных сапогах, нечистом белье, грязных стенах и полах ротных помещений корпуса, неподведомственных его ротному командиру.

Состав преподавателей был по главным морским предметам на более высоком уровне по сравнению со временами Штейнгеля. Завалишин упоминает, что преподавателем высших математических наук, навигации и астрономии в его классе был Алексей Кузьмич Давыдов, флотский офицер, окончивший первым в своем выпуске.

Состав корпуса в период Завалишина был очень многочислен — он пишет в своих воспоминаниях о тысяче человек обучавшихся³⁵. В это число он включает воспитанников училища корабельных инженеров и гимназии. Содержание учеников этих училищ было, по словам Завалишина, гораздо хуже, чем кадет и гардемарин корпуса. Они обедали после воспитанников корпуса. Относительно стола Завалишин говорит, что он был здоров, но далеко не роскошен, хотя Морской корпус, как и Пажеский, пользовался высшим окладом отпуска средств на пищу по сравнению с другими военно-учебными заведениями. Ржаной хлеб, квас и булки были отличного качества. Чаю не полагалось. Желаящим разрешалось пить собственный, но в ротных помещениях чаепитие запрещалось, чтобы не возбуждать у других зависти, и пить чай ходили в людскую, где жили корпусные служители.

Из спорта процветало фехтование, а зимой катание на коньках на корпусном катке, причем катались в одних мундирах, без шинелей. Танцам обучались все, а музыке только желающие. Оркестр корпуса считался в то время лучшим в Петербурге.

Летом кадеты выходили в лагерь на Лагерном дворе корпуса, а гардемаринки шли в плавание в две смены.

Корпусные помещения содержались хорошо. Стены белились каждый год. Полы красили также ежегодно.

По утверждению Завалишина, по всем общеобразовательным предметам, за исключением математики, учителя были крайне неудовлетворительные. В это время было два инспектора классов: один по иностранным языкам, другой по всем остальным наукам. Должность первого при Завалишине занимал граф Лаваль, «один из первых чинов двора».

Надзор за порядком преподавания был настолько слаб, что некоторые учителя совсем не ходили в классы. Особенно грешили этим учителя английского языка. Один из последних, некто Руммель, никогда не появлялся на утренние уроки.

Один из учителей французского языка читал кадетам вместо своего предмета лекции по политической экономии, сообщал политические новости и даже обучал желающих латинскому и итальянскому языкам. Отношения между учителями иногда были крайне враждебными, и они переругивались между собой, совершенно не стесняясь воспитанников. Так, преподаватель французского языка, притворив дверь в соседний класс, кричал учителю немецкого языка: «Белоус, синеус, красноус, черноус». Тот не оставался в долгу и кричал в ответ: «Пудель ты итальянский, французская собака ты проклятая», — и, вскочив с места, бросался к двери³⁶.

Преподаватель русского языка ограничивался заданием тем для сочинений и не умел внушить кадетам основных правил грамматики. Состав корпусных офицеров, по-видимому, значительно улучшился по сравнению с концом XVIII века. Завалишин указывает, что учение и поведение воспитанников, также как и определение старшинства, офицеры оценивали нелицеприятно и справедливо.

Были, однако, в числе офицерского состава корпуса комичные фигуры. Завалишин упоминает одного полковника из «гатчинских», т. е. переведенного Павлом Петровичем из гатчинских батальонов, который при переименовании корпусных чинов из военно-сухопутных в морские получил чин по флоту несмотря на то, что «едва знал грамоте». В его глазах главной заслугой воспитанника было носить собственное платье, а особенно сапоги.

Контраст этому полковнику составлял ряд замечательных людей, как, например, князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов, по определению Завалишина, человек «высокой добродетели».

С.А.Ширинский-Шихматов, как и его брат Павел Александрович, были во всех отношениях высоким примером порядочности и нравственности для своих воспитанников. Давыдов и Подчерков были «по учености замечательны» и пользовались уважением кадет.

По временам происходили корпусные «бунты», обыкновенно из-за дурной пищи. Кадеты мычали, топали ногами и стучали ножами. Эти бунты завершались бомбардировкой эконома (заменившего гофмейстера в управлении хозяйственной частью корпуса) шарами из жидкой каши, завернутой в тонкое тесто из мякиша³⁷.

Обычай прислуживания младших воспитанников старшим претерпел значительные изменения по сравнению с концом XVIII века. В числе обязанностей младших считалось идти в другую роту с запиской или поручением, в то время как чистка сапог, платья и пуговиц выполнялась только желающими в обмен на предоставляемые им льготы. При этом право требовать этих услуг предоставлялось только старшему выпуску и то по отношению только кадет, а не гардемарин. В числе спорных пунктов корпусного обычного права считались претензии старших гардемарин подчинять младших тому же порядку, что и кадет. Впрочем, Завалишин говорит, что спор по этому поводу являлся лишь предлогом для традиционных сражений между старшими и младшими гардемаринами, в видах прославления себя подвигами в устной истории корпуса. Недаром даже для Николая Бестужева легендарный силач Лукин³⁸ был героем³⁹.

Эти споры решались рукопашным боем на заднем корпусном дворе. Телесные наказания воспитанников продолжали процветать. Например, один из офицеров, Овсов, давал по 300 ударов.

В это время наказание розгами было подразделено на три степени: келейное (большой частью в дежурной комнате), при роте (только с разрешения директора корпуса) и перед фронтом всего корпуса. Последняя форма наказания всегда сопровождалась исключением из корпуса. Интересно отметить, что в противоположность непрерывным воплям наказуемых в дежурной комнате, упоминаемых Штейнгелем, в начале XIX века в корпусе считалось молодецеством выносить самое жестокое наказание молча и не только не просить прощения, но еще вновь грубить. Таким образом, в этот период телесные наказания повели к закалению духа воспитанников корпуса и выработке в них чувств своеобразной гордости и самостоятельности.

Порядок в ротах более зависел от старших гардемарин, чем от ротных офицеров.

Корпус гордился своими лучшими по наукам товарищами. Завалишин отмечает, что, когда он садился за занятия, со всех сторон раздавались слова: «Тише, господа» или «наш Зейман сел заниматься»⁴⁰.

Завалишин говорит, что в его время случаи пьянства в корпусе были очень редки, и курение табака в закоулках и уход из корпуса без спроса были самыми серьезными проступками. Кадеты таскали огурцы с окрестных огородов, но Завалишин уверяет, что это следует рассматривать не как воровство, а как проказу, так как главная цель была насмеяться над огородниками и одурачить их. За все время нахождения Завалишина в корпусе был исключен только один воспитанник за участие в «бунте», при котором, кроме эконома, были оскорблены «неприличными криками» некоторые офицеры⁴¹.

По словам Завалишина, дежурные гардемарины били поваров [почему-то старшие из них состояли в офицерских (гражданских) чинах], когда ловили их в воровстве провизии. В это время в дежурство по корпусу назначались два гардемарина, старший и младший, которые в день своего дежурства приглашались к офицерскому столу. Корпусные офицеры давали за деньги частные уроки желающим воспитанникам. Так Завалишин упоминает, что он нанимал для репетиций по вечерам полковника Де-Ливорна, командовавшего 1-й ротой. Выпускные экзамены производились рядом особо назначаемых комиссий: флотской, артиллерийской, астрономической, духовной и т. д.⁴²

Несмотря на это, в офицеры производились все же «единственно потому, что для укомплектования флота надобно было выпускать каждый год известное число офицеров». Очень интересны замечания Завалишина об его попытках умственно развивать подчиненных ему кадет и гардемарин путем чтения книг по истории и географии. Связь между корпусным офицером и воспитанниками была очень тесная. Как только Завалишин приходил в роту, его немедленно окружала густая толпа, к которой постепенно присоединялись воспитанники других рот. Завалишин вел переписку с родителями своих питомцев и даже иногда оказывал денежную помощь в случае нужды. Он посещал каждый день в лазарете больных своей роты и класса⁴³.

Контраст с нравами кронштадтского периода корпуса екатерининских времен необычайно резок. От чисто палочной дисциплины времен Штейнгеля до методического воспитания кадет и гардемарин своей роты Завалишиным необычайно далеко.

Декабрист А. П. Беляев в своих «Воспоминаниях» рисует нищенскую жизнь статских преподавателей корпуса. Он упоминает о жаловании в 200 рублей ассигнациями в год, платимом этим учителям. Несмотря на это, отзывался о том учителе, у которого он жил до зачисления в штат корпуса, как о человеке «весьма умном, даже ученом и философе». Этот бедняк-учитель до того берег свое платье, что никогда не притрагивался к нему щеткой⁴⁴.

Телесные наказания процветали и при Беляеве, поступившем в корпус в 1815 г. Он говорит про своего ротного командира, что у него «первое и единственное наказание были розги», однако отмечает все-таки, что братья князя Шихматовы, бывшие в то время корпусными офицерами, телесных наказаний не применяли.

При Беляеве, как и при Завалишине, физические наказания создавали спартанские нравы. Тех кадет, которые под розгами не кричали, называли чугунами и стариками. Последнее название было особенно почетным.

Сражения между старшими гардемаринами — трехкампанцами — и младшими — двухкампанцами — происходили и при Беляеве.

Дрались стенка на стенку, храбрейшие вели за собой остальных. Корпусные поэты писали длинные поэмы в честь этих боев на корпусном дворе⁴⁵.

При Беляеве классы занимали много времени: четыре часа до обеда и четыре часа после обеда, причем ежедневно преподавалось четыре предмета. Таким образом, уроки продолжались по два часа. Об учителях он говорит, что они были оригинальные, хотя и хорошо знавшие свое дело. Об учителе математики П. И. Исакове Беляев говорит, что он «преподавал превосходно». Другой хороший учитель был А. Е. Воронин, преподававший историю так увлекательно, что в его класс приходили слушать воспитанники из других классов, где, случалось, не было учителя. По словам Беляева, учителя добросовестно выполняли свои обязательства и беспристрастно относились к воспитанникам. Таким образом, труды Гамалея не прошли даром, и дело обучения в корпусе во вторую половину царствования Александра I было поставлено на совершенно другом уровне, чем при Екатерине II.

Во времена Беляева разные виды спорта были очень развиты в корпусе. Помимо городков (в то время так называлась игра в мяч вроде бейсбола) играли еще в житки — «один бил по очереди, один подавал мячик, третий стоял в поле и должен был поймать на лету мячик». Третий вид игры в мяч был с «пока»... «огромный и некрепко набитый мяч... бил его носком прямо вверх... на крышу корпуса». Зимой катались на коньках, как и прежде.

Служба в корпусной церкви, по отзыву Беляева, совершалась благоговейно и благолепно. Пел хороший хор певчих. Хоровое пение было очень развито, причем пели не только духовное, но и светское.

В этот период в корпусе было замечательное возрождение религиозной жизни, благодаря иеромонаху Иову, о котором будет особо упомянуто в связи с масонством на флоте. Иеромонах Иов, «ревностный пастырь... овладел сердцами всех... По галереям корпуса за ним обыкновенно следовали группы кадет». По-видимому, деятельность этого иеромонаха в корпусе вызвала серьезный подъем интереса к религии и оставила глубокий след на нравственном облике питомцев корпуса. Корпус отзывался, таким образом, на общий подъем религиозного чувства в русском обществе во вторую часть царствования Александра I.

Кадеты и дружили и враждовали между собой крепко. «Дружба наша была идеальная, а вражда безмерная... избегали друг друга года по два и более».

Пища была скромная. Торты и жареные гуси давались только на Рождество и Пасху⁴⁶.

Даль в своем «Мичмане Поцелуеве», рисует картину, пожалуй, менее привлекательную, чем отражение корпусной жизни в воспоминаниях Завалишина и Беляева. Он говорит, что «Поцелуев понял в первые три дня своего пребывания в корпусе, что здесь всего вернее и безопаснее как можно меньше попадаться на глаза, не пускаться никогда и ни в какие детские игры, а сидеть прижавшись к стенке тише воды, ниже травы»... «Тогда секли с большим прилежанием каждого, кто попадался в так называемой шалости, то есть, кого заставляли за каким бы то ни было занятием, кроме учебных тетрадей... дежурный барабанщик... не успевал припасать розг...»⁴⁷. Можно думать, что Даль сгустил краски, так как воспоминания его современников рисуют жизнь спартанскую, но не забитую. По этому вопросу впоследствии была очень интересная полемика между Завалишиным и Далем.

Даль оставил любопытные замечания по поводу корпусного языка, наводненного, как уже упоминалось прежде, словами новгородского происхождения. В корпусном лексиконе были: бадяга, бадяжка, бадяжник, новичок, петлепный, копчинка, старик, старина, стариковать, кутило, огуряться, огуряло, отказной, отчаянный, чугунный, жила, жилить, отжилить, прижать, прижимало, сводить, свести, обморочить, втереть очки, живые очки, распечь, распекало, отдуть, накласть горячих, на фарт, на ваган, на шарап, фурка⁴⁸.

Старые кадеты одевались в широкие собственные брюки, носили портупейки или ременные лаковые пояски с медным набором и левиками⁴⁹.

В плавание гардемарин ходили охотно: об этом говорит и Даль... «Счастлив и доволен, когда вышел в гардемарин и пошел на плоскодонном фрегате до Красной Горки»⁵⁰.

В плавании считалось шиком ходить в рабочей измаранной смолою рубахе, подпоясавшись портупейкой, в фуражке на ремешке или цепочке. В это время плавание продолжалось лишь месяц.

Любопытно упоминание об учителе плавания. Занимал эту должность одичавший француз Кобри, вывезенный с островов Тихого океана во время одного из первых кругосветных плаваний русских судов. Лицо Кобри было покрыто синей татуировкой, плохо шедшей к шитью русского мундира⁵¹.

Беляев говорит о двухмесячном плавании гардемарин между Петербургом и Кронштадтом, во время которого они исполняли все матросские работы. Однокампанцы в начале плавания боялись лезть на мачты, и некоторых из них поднимали на конце. Путенванты особенно пугали робких новичков.

В походе гардемаринам давали чай в оловянной миске с сухарями. Чай черпали ложками, как суп⁵².

Михаил Бестужев в своих воспоминаниях о брате (Марлинском) рисует картину увлечения молодежи спортом. В матросской рубашке, парусиновых брюках молодой Бестужев «бросился в матросский омут очертя голову». Молодецки пробежать по рею, не держась за лисель-спирит, спуститься вниз головою по одной из снастей с топа мачты; кататься под парусами на шлюпке в свежий ветер, не брать рифов и черпать бортом воду — за это старики гардемарин называли новичка «товарищем».

В заключение упомянем о поучении Николая Бестужева, бывшего тогда корпусным офицером, брату Петру, шедшему в первое плавание на яхте «Голубок»: «...не давай себя в обиду, если под силу — бейте сами, а отнюдь не смейте мне жаловаться на обидчиков... всего более остерегайтесь выносить сор из избы, иначе вас назовут фискалами и переносчиками и тогда горька будет участь ваша»⁵³.

Все эти описания создают впечатление жестокости корпусных офицеров, лишь постепенно улучшавшиеся методы преподавания, нравов суровых и совершенно не похожих на то, что офицеры нашего поколения застали в Морском корпусе.

Как при всяком историческом исследовании, едва ли правильно применять мерку нашего поколения к нравам и методам воспитания чуть не полтора столетия тому назад. Более уместно сравнить с другими учебными заведениями того времени. Князь Петр Кропоткин, воспитывавшийся в Пажеском корпусе в середине XIX века, т. е. значительно позже времен Беляева и Завалишина, говорит, что тысяча ударов розгой было наказанием пажа за курение папиросы

и что наказание продолжалось, пока присутствовавший врач не замечал, что пульс перестает быть заметным⁵⁴.

С другой стороны, интересно, что Александр Бестужев, страстно желавший служить на флоте со своими братьями, не мог выдержать гардемаринского экзамена в части высшей математики, но не имел никакого затруднения при поступлении в Горный корпус⁵⁵.

М. Бестужев в своих заметках «Об отце, учителях и друзьях», несмотря на крайне критический отзыв о массе учительского состава корпуса, «наших образователей, нанимавшихся у Карцова за медные гроши», с глубоким уважением говорит об А. Давыдове, читавшем дифференциальное и интегральное счисления «...смелый, бойкий взгляд на преподаваемые предметы, ясность изложения, краткость и сила». О знаменитом преподавателе Кузнецове, у которого учился старший Бестужев, Михаил Бестужев говорит, что тот имел такой дар влюбить своих учеников в науку, что «шалуна-ленивца сделал первым своим учеником». О Гамалее Бестужев отзывается восторженно, как о «замечательном спеце той эпохи». Этот даровитый педагог продолжал учить своих питомцев, даже потеряв зрение.

П. Бестужев, когда был корпусным офицером-преподавателем, создал физический кабинет и ввел преподавание физики по своей инициативе и, вначале, на свои средства. Необходимо также упомянуть о преподавателе русской литературы Василевском, которого М. Бестужев называет философом и знатоком русской литературы⁵⁶.

Гардемарин, назначаемый в плавание на суда, уходившие за границу, обучались судовыми офицерами. Так, Свинын в своих «Воспоминаниях на флоте» пишет, что командир корабля учредил для гардемарин классы в своей каюте. Штурманы проходили с ними математические науки, а после обеда Свинын давал гардемаринам уроки по французскому и русскому языкам⁵⁷.

Можно думать, что, несмотря на свои недостатки, Морской корпус конца XVIII века и начала XIX был одним из лучших, если не лучшим, высшим учебным заведением России, в особенности в области математических наук. Этому вопросу будет уделено место ниже, при обследовании культурного уровня офицеров этого периода. Такая плеяда не только компетентных, но и талантливых преподавателей, как Гамалея, Кузнецов, Давыдов, Завалишин, Бестужев, Василевский, не могла не оставить глубокого следа в деле воспитания будущих офицеров флота.

Продолжение следует

Примечания

¹ В VI части «Общего морского списка» (СПб., 1892) заключаются сведения о службе морских чинов, получивших офицерское звание в царствование Павла I и частью в царствование Александра I. Исключение составляет Дмитрий Павлович Примо, произведенный в офицеры в царствование Екатерины II, пропущенный в IV части «Списка». Основным материалом при составлении «Списка» служили формулярные списки, хранившиеся в архиве Морского министерства, а дополнительные сведения заимствованы частью из дел того же архива, а частью из других источников, признанных составителем списка заслуживающими доверия (Общий морской список. СПб., 1892. Т. VI. С. 1).

- ² Возможно, что один офицер внесен в список дважды: Давыдов Петр Петрович и Давыдов Петр, оба упомянуты на с. 71 части IV «Общего морского списка» как произведенные в мичманы в 1800 г.
- ³ Эти цифры следует считать приблизительными. Некоторые фамилии с измененным правописанием не дают возможности точно определить, к каким группам следует их отнести. Таким образом, эти данные нужно рассматривать лишь как попытку разбить фамилии офицеров по этническим группам, а не как точную справку.
- ⁴ Даль В. Мичман Поцелуев // Собрание сочинений. СПб., 1892. Т. 2. С. 382, 383.
- ⁵ Архив графов Моравиновых. СПб., 1901. Т. 1. С. 200—201.
- ⁶ Там же. С. 209—210.
- ⁷ Там же. С. 520—524.
- ⁸ Там же. С. 427. Дело идет о бое под Кинбурном.
- ⁹ Там же. С. 429.
- ¹⁰ Там же. С. 365.
- ¹¹ Там же. С. 389.
- ¹² Там же. Т. 2. С. 273—279, 284, 286—288, 290, 292.
- ¹³ Там же. Т. 1. С. 464—465.
- ¹⁴ Там же. С. 663.
- ¹⁵ Там же. С. 366.
- ¹⁶ Веселаго Ф. Краткая история русского флота. СПб., 1893. Вып. 1. С. 137, 236—237.
- ¹⁷ Там же. С. 213.
- ¹⁸ Архив графов Мордвининых. Т. 1. С. 444.
- ¹⁹ Салиас Е. Собрание сочинений. М., 1895. Т. 9. С. 135—136; Архив графов Мордвининых. Т. 1. С. 249, 250.
- ²⁰ Свиньин П. Воспоминания на флоте. СПб., 1819. Ч. 3. С. 71.
- ²¹ Броневский В. Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземноморье под начальством Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1813. СПб., 1818. Ч. 1. С. 4.
- ²² Там же. С. 114—115.
- ²³ Архив графов Мордвининых. Т. 1. С. 76, 80—81.
- ²⁴ Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования. СПб., 1902. С. 89, 97.
- ²⁵ Штейнгель В.И. Записки барона В.И.Штейнгеля / Под ред. П.Е.Щеголева // Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. 1. Декабристы. СПб., 1905. С. 353, 361.
- ²⁶ Там же. С. 361—362.
- ²⁷ Там же. С. 362.
- ²⁸ Там же. С. 363, 364.
- ²⁹ Там же. С. 365—368.
- ³⁰ Там же. С. 369—370.
- ³¹ Там же. С. 372—373.
- ³² Веселаго Ф. Краткая история. Вып. 1. С. 250.
- ³³ Архив графов Мордвининых. СПб., 1902. Т. 3. С. 12.
- ³⁴ Воспоминания Бестужевых. М., 1931. С. 330—331.
- ³⁵ Завалишин Д.И. Записки декабриста. Мюнхен, 1904. Т. 1. С. 31—32.
- ³⁶ Там же. С. 31—35.
- ³⁷ Там же. С. 37—38.
- ³⁸ Имеется в виду капитан 1 ранга Д.А.Лукин (1770—1807), окончивший корпус в 1787 г. (подробнее см.: Смирнов В.Н. Капитан Лукин — легенда русского флота // Новый Часовой. 1996. №4. С.183—187). — Прим. ред.
- ³⁹ Воспоминания Бестужевых. С. 330.
- ⁴⁰ Завалишин Д.И. Записки декабриста. Т. 1. С. 41. «Зейманом» по петровской традиции называли в то время на флоте ученого моряка.
- ⁴¹ Там же. С. 41.
- ⁴² Там же. С. 42, 43, 57.
- ⁴³ Там же. С. 67—69.
- ⁴⁴ Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805—1850. СПб., 1882. С. 42—45.
- ⁴⁵ Там же. С. 47—48.
- ⁴⁶ Там же. С. 49—52, 63—65.
- ⁴⁷ Даль В. Мичман Поцелуев. С. 382.
- ⁴⁸ Там же. С. 383.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.

- ⁵¹ Там же. С. 384.
- ⁵² Беляев А.П. Воспоминания декабриста. С. 54—55.
- ⁵³ Воспоминания Бестужевых. С. 334—335.
- ⁵⁴ Krapotkin P. Memoirs of a Revolutionary. P. 54, 55.
- ⁵⁵ Воспоминания Бестужевых. С. 120.
- ⁵⁶ Там же. С. 285—287, 290.
- ⁵⁷ Свиньин П. Воспоминания на флоте. Ч. 1. С. 146.

РУССКИЕ ФЛОТСКИЕ ОФИЦЕРЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА

(продолжение)

Д.Н. ФЕДОТОВ-
УАЙТ

О черноморских корпусах исследованный материал дает мало сведений. В 1791 г. при штате 360 кадет из дворян, подготовляемых в офицеры флота, и таком же числе «разночинцев», обучаемых для занятий должностей штурманов, шкиперов и «другого звания служителей», было налицо только 130 дворян и 80 разночинцев.

В то время корпус, по-видимому, назывался училищем навигации.

В учителях был недостаток, и Мордвинов просил Потемкина о назначении учителей, знающих английский и французский языки, чтобы кадеты могли «достичь по возможности сами разуместь и переводить книги». Мордвинов хотел присоединить к корпусу училище корабельной архитектуры.

В 1791 г. он уже определил до 50 юношей в корабельные ученики и около ста человек для обучения мастерству, намереваясь отправить лучших из них за границу для завершения образования.

В 1793 г. была получена значительная по тому времени сумма 300000 рублей для постройки здания корпуса. Однако штатных отпусков на обучавшихся корабельной архитектуре не было, и Мордвинов писал Зубову 18 января 1793 г., что «намерен... из должествующей оставаться урочной суммы от больных и умирающих снабдить книгами, инструментами и учителями механических и физических наук» учеников училища корабельных инженеров и обучавшихся мастерству. Тот же Мордвинов говорит, что «штурманская рота, не получая никакого содержания для преподавания наук и приличного воспитания, не приносила той пользы, которую должно было от оной ожидать» и мотивирует этим отпуск определенных им двенадцати тысяч рублей на эту роту⁵⁸.

Весною 1792 г., по словам Мордвинова, в корпусе было 144 кадета. Они помещались во временных летних бараках, при которых был устроен для них лазарет. В числе доводов в пользу утверждения планов создания и развития корпуса Мордвинов приводит нужду местного дворянства в учебных заведениях для их сыновей и упоминает, что Потемкин хотел обучать в корпусе и разночинцев для замещения береговых должностей в учреждениях Черноморского флота.

Осенью того же года в корпусе состояло 154 дворянина и 98 разночинцев. При корпусе Мордвинов учредил публичные лекции по высшим наукам для молодых офицеров Черноморского флота. Любопытно, что в число наук, проходивших в корпусе, Мордвинов включает агрокультуру, в целях поднятия уровня методов земледелия в крае⁵⁹.

Образование флотских офицеров не всегда заканчивается обучением в Морском корпусе. Уже в 1829 г., по ходатайству Крузенштерна, были учреждены при корпусе офицерские классы. В них вначале готовили главным образом преподавателей корпуса⁶⁰.

Но и до этого времени, помимо публичных лекций, устроенных Мордвиновым, о которых уже говорилось выше, для офицеров-черноморцев существовали курсы по теории кораблестроения, кора-

бельной архитектуре, по механике и физике. Даже домашние обеды главного командира (Черноморского флота и портов Черного моря. — Прим ред.) А.С.Грейга (с 1816 г.), на которые приглашались офицеры по очереди, были своего рода лекцией и даже экзаменами⁶¹.

Главным же средством усовершенствования в специальности для офицеров конца XVIII века и начала XIX века была служба на английском флоте и на судах Ост-Индийской и других английских компаний, а также заграничные плавания, в особенности кругосветные, составившие такую яркую эпоху в истории русского флота в царствование Александра I.

При Екатерине II до тридцати офицеров флота, преимущественно лейтенантов и мичманов, было послано в Англию для практического изучения морского дела. В числе посланных был один капитан 2 ранга, два констапеля и один подмастерье (корабельный инженер). Пребывание их за границей продолжалось от 2 до 5 лет. Они плавали в Средиземном море, а также посещали порты Северной Америки, Вест- и Ост-Индии.

Морской историк Ф.Веселаго говорит: «Плавания эти образовали несколько хороших русских практических моряков и способствовали утверждению в нашем флоте многих полезных нововведений». Такие имена, как Козлянинов, Лупандин, Ханьков, Селифонтов говорят сами за себя. К числу отправленных в Англию в 1793 г., принадлежали Абернибесов, Лутохин, Лисянский, Крузенштерн⁶².

При Павле Петровиче было отправлено в Англию 12 флотских офицеров и несколько корабельных учеников⁶³.

При Александре I в 1802 г. было отправлено в Англию также 12 флотских офицеров, причем им было выдано по 100 червонцев на экипировку единовременно и назначено годовое содержание в 180 фунтов стерлингов каждому.

Из офицеров, посланных при императоре Павле I, Г.Ф.Самарин с 1798 по 1802 г. плавал на судах английского флота, участвовал в блокаде Кадикса и Бреста. Г.Ф.Аничков, поступивший на английский флот в 1797 г., был в 1803 г. по рекомендации английского правительства награжден орденом св. Анны 3-й степени за вырезку французских судов на рейде Св. Дениса у острова Бурбона, где он с шестивесельною шлюпкою взял вооруженный бриг⁶⁴. В.С.Кологривов участвовал в сражении у Бреста и был произведен в капитан-лейтенанты «по ходатайству английского капитана Варрена».

Из этих офицеров Г.Самарин писал 27 октября 1802 г.: «В продолжении кампании 1800 г. был в ответственной и деятельной эскадре с командором, что ныне адмиралом Найтом был употреблен охотником в разных десантах, в абордажах и выводке из под неприятельских батарей судов... на что и свидетельство имею»⁶⁵.

Российский посол при английском дворе, граф С.Р.Воронцов, в своем письме Мордвинову 23 августа 1802 г. излагает историю командировок наших офицеров на английский флот. Он говорит, что предложил Екатерине II договориться с английским правительством о регулярной посылке известного числа русских морских офицеров для службы на судах английского флота волонтерами. Воронцов указал на число двенадцать офицеров, как желательную норму, и высказал, что будет целесообразно присылать офицеров в чине лейтенанта. По мысли Воронцова, через двадцать лет действия

этого плана русский флот получит шестьдесят опытных офицеров, способных успешно командовать кораблями. Согласно предложению Воронцова, было послано в Англию 12 офицеров, которые и были расписаны по разным кораблям английского флота. Когда корабли, на которые они были назначены, заканчивали кампанию, то русских офицеров переводили на другие плавающие суда. По отзыву Воронцова, вся эта первая группа офицеров, назначенных на английский флот, выполнила свою задачу успешно. «Все сии офицеры отличили себя прилежанием к практике и теории равномерного и благородным своим поведением».

Вторая смена также была удачна. Однако из двенадцати офицеров двое (Муравьев и Подкозьин) вели себя, по оценке Воронцова, неудовлетворительно, что и повело к отказу посла от дальнейшего участия в делах командированных на флот офицеров.

При Павле Петровиче русские офицеры, служившие на английском флоте, попали в трудное положение, и их временно списали с тех кораблей, на которых они плавали. По возобновлении нормальных отношений между дворами, они немедленно вернулись на корабли. Из них Муравьев заявил послу, что: «офицер, который служил три года в море, не имеет уже чему далее учиться» и что он написал в Петербург, прося разрешения вернуться на родину. Подкозьин также оставил свой корабль. Отмечая в своем письме, что Муравьев не окончил Морского корпуса, а поступил на флот из сержантов гвардии, Воронцов сравнивает их поведение с образцовой службой за границей Грейга, сына екатерининского адмирала; «Грейг вдвое более был в море, чем Муравьев и Подкозьин, что служба в эскадре лорда Нельсона и под командой славного капитана кавалера Трубриджа, был в разных сражениях, отличился при взятии островов Иския и Прочиды и при овладении Капую и Гаэты»⁶⁶.

Грейг не был единственным русским флотским офицером, служившим под командой Нельсона. А.П.Авинов, посланный в 1803 г. на службу в английский флот, вместе с Лазаревым, Дохтуровым, Станюковичем и Унковским, участвовал в Трафальгарском бою и после этого сражения попал в плен к испанцам и провел несколько месяцев на острове Пальме. В 1806 г. он снова служил на английском флоте и участвовал в бомбардировке Булони⁶⁷.

Непосредственное заведование вопросами, касавшимися наших офицеров в Англии, было возложено на посольского священника о. Смирнова. Этот священник, помимо сношений с Адмиралтейством по вопросам размещения русских волонтеров по судам английского флота, заботился о доставлении им жалования, где бы они ни находились: в Средиземном море, в Ост- и Вест-Индиях. О. Смирнов также ведал корабельными подмастерьями, присылаемыми для обучения в Англию.

Упомянутые выше материальные условия, в которые были поставлены наши офицеры, командированные за границу при Александре I, были совершенно иные, чем те, в которых находились юноши, посланные Петром Великим во Францию. Припомним, что К.Н.Зотов, приставленный Петром наблюдать за обучающимися за границей гардемаринами, писал: «лучше бы было их перебить, что просят, нежели нам срамиться, а их здесь голодом морить»⁶⁸.

С.И.Мордвинов писал в своих записках: «Будучи во Франции около шести лет, сначала получил я из России жалования только за полтора года 180 рублей и жил на своем коште... по прибытии в

Амстердам получил из дому вексель, из которых денег послал заплатить в Бресте долг»⁶⁹.

При П.К.Карцове, назначенном при императоре Александре I, стали посылать в Англию, начиная с 1802 г., гардемарин старшего класса, для службы волонтерами на судах английского флота. До этого времени из флотских офицеров посылались почти исключительно лейтенанты и мичманы⁷⁰.

В воспоминаниях русских морских офицеров, плававших за границей на судах российского флота, довольно часто попадаются замечания о русских волонтерах на английском флоте. Так, барон Штейнгель говорит о волонтере Куличкине, погибшем на «Queen Charlotte», флагманском корабле адмирала Кейта, сгоревшем на Ливерпульском рейде⁷¹.

Коробка⁷² надеялся увидеть на Мальте своего брата, служившего на английском флоте. Капитан английского военного брига «La Jalouse» сообщил ему, что его брат на шлюпе «Sophia» плавает в составе эскадры Нельсона. Он замечает при этом: «как бы я желал... чтобы нам случилось подраться и разделить славу с Нельсоном».

Немудрено, что при многочисленных командировках русских офицеров на английский флот сложились дружественные отношения между офицерами, плавающими под флагами св. Андрея и св. Георгия. Коробка упоминает, что в Неаполе: «английские капитаны Содрон и Денбей потчевали нас стромбольским и всеми винами, какие были в Неаполе»⁷³.

Вероятно, одним из поводов к возобновлению отправки офицеров для практики на иностранных флотах при Екатерине II послужило затруднение в получении опытных иностранных офицеров — особенно английских — при подготовке флота к турецкой и шведской войнам. Граф С.Р.Воронцов указывает, что «никто из флагманов аглицкого флота не согласился на мои предложения, а и офицерам, желающим вступить в нашу службу, аглицкое правление, коего негодование на нас за правила вооруженного нейтралитета тогда еще не простыло, не дозволило к нам отправиться». Однако некоторое число офицеров Воронцову все же удалось получить⁷⁴.

Другим важным средством практической подготовки морских офицеров были многочисленные заграничные плавания судов российского флота при императорах Павле и Александре I. Не говоря уже о больших русских эскадрах, плававших в Средиземном море, у берегов Франции, Англии и Голландии, очень значительное число наших судов совершило кругосветные плавания и участвовало в научных экспедициях в последнее из этих царствований. Развитие деятельности Русско-Американской компании также способствовало частому появлению российского флага на Тихом океане. Если в петровские времена российское дворянство смотрело на посылку за границу как на ссылку, то александровские моряки, напротив, стремились попасть в командировку в английский флот или в плавание на корабле, идущем в длительный «вожж» в заграничных водах. Как один из сенявинцев писал: «Было время, когда русские боялись переступить за пределы отечества, но предубеждение сие давно уже не существует, и ныне наши ревностные к службе моряки почитают за особое счастье идти в дальний поход... идут за море, на чужую сторону с удовольствием и восторгом неописанным. Не одно любопытство или честолюбие побуждает нас охотно оставлять отечество, но любовь к наукам... просветить свой ум, дать пищу

воображению и избавиться от предрассудков». Он же пишет, что на эскадру капитан-командора А.С.Грейга, уходившую в Средиземное море в 1804 г., в Корфу, «многие морские офицеры искали случая быть помещенными»⁷⁵.

Даже на третий год вне отечества лейтенант Коробка признается: «обманул бы вас, если бы сказал, что хочу возвратиться домой и на покой; нет друзья, здешнее солнце лучше греет. Семнадцать месяцев... посреди народов посвященных... и семь месяцев военных трудов, разделенных с народом... храбрым и свободным, меня равно занимало»⁷⁶.

Это не значит, конечно, что наши моряки перестали быть русскими и не хотят вернуться домой. Этот же Коробка, отмечая похороны в Кастель-Ново, на берегу Адриатического моря, лейтенанта Г.Д.Мамаева, записывает в свой дневник: «Горько как-то, любезные друзья, лежать в чужой стороне». А извещение о предстоящем возвращении в Россию сухим путем вызывает у него восклицание: «я уверен, что нигде не может быть лучше, как в России...» «Нетерпение наше столь велико», пишет он, «что мы рады, хотя бы босиком, только поскорее быть в своем отечестве»⁷⁷.

Некоторые офицеры прибегали к заступничеству высокопоставленных лиц для назначения в заграничную командировку. Так, Мордвинов писал Черкасову в 1801 г.: «В рассуждение же назначения г. лейтенанта Майделя волонтером в Англию, я с особливим удовольствием готов исполнить Вашу просьбу»⁷⁸.

Возможности назначения в заграничные кампании и в конце XVIII века и в начале XIX века были очень обширны. Так, в 1795 г. была отправлена в немецкое море эскадра вице-адмирала Ханькова из 12 кораблей и 8 фрегатов, участвовавшая в блокаде голландского флота у Текселя. В 1798 г. в помощь английским морским силам была отправлена из Кронштадта эскадра вице-адмирала Макарова, и в том же году была отправлена из Черного моря в Средиземное эскадра вице-адмирала Ушакова «для совместного действия с турками». Эскадра вице-адмирала Макарова состояла из 15 кораблей, 4 фрегатов и 1 катера. Весною 1799 г. 3 корабля и 1 фрегат, под командой контр-адмирала Карцова, были отправлены в Средиземное море для усиления эскадры вице-адмирала Ушакова. В 1799 г. эскадра из 6 кораблей, 5 фрегатов и 2 транспортов под командой вице-адмирала Чичагова была отправлена к Текселю. В 1804 г., помимо учебного плавания эскадры контр-адмирала Ломена из 3 кораблей, 2 фрегатов и одного катера до Доггер-банка и обратно, отправилась в средиземное море еще эскадра капитан-командора Грейга из 2 кораблей и 2 фрегатов.

В 1805 г. 5 кораблей и 1 фрегат под командой вице-адмирала Сенявина отправилась из Кронштадта в Средиземное море на соединение с нашими морскими силами, базировавшимися на Корфу.

В дополнение к этим, уже значительным силам, вышла еще одна эскадра из 5 кораблей, корвета, шлюпа и катера, под командой капитан-командора Игнатьева.

В 1814 г. была отправлена из Кронштадта эскадра из 5 кораблей и 1 фрегата под командой контр-адмирала Кроуна на соединение с эскадрой английского адмирала Юнга для блокирования Голландии⁷⁹. Этот перечень далеко не исчерпывает всех русских судов в заграничных водах в изучаемый период. Он приводится только, что-

бы дать понятие о том, как часто и какими значительными соединениями российский флот плавал в Средиземном, немецком и других морях за это время.

Даже в конце царствования Александра I, когда наш флот был уже значительно сокращен, все же были практические плавания за границу — поход эскадры вице-адмирала Кроуна из 2 кораблей и 3 фрегатов к острову Исландия и западным берегам Англии. Были также и более продолжительные плавания. Так, для доставления проданных испанскому правительству 5 кораблей и 2 фрегатов ходила в 1817 г. эскадра в Кадикс под командой контр-адмирала Моллера и в 1818 г. под командой контр-адмирала Ратманова⁸⁰.

Продолжительные плавания за границей и стоянки на иностранных рейдах вместе с военными судами иных держав давали импульсы к усовершенствованию службы, к морскому шегольству до тех пор неизвестному нашему флоту. Особо заботились как о наружности корабля и его вооружении, так и о производстве парусных маневров и работ.

Даль в «Матросских досугах» пишет, что когда в 1799 г. русская эскадра под командой адмирала Макарова была послана на поддержку английской эскадры адмирала Дункана, то «дружно жили с англичанами». Эта совместная служба с английским флотом вела к интенсивному соревнованию и старанию превзойти своих соплавателей в быстроте и лихости маневров: «все взапуски рвались, чтобы ни в чем не отстать от англичан... Бывало, как только г-да офицеры где ни сойдутся, толкуют все о своем деле: кто чище стал на якорь... кто кого чем перещеголял»⁸¹.

Это соревнование с иностранцами не ограничивалось офицерами. Ханьков писал во время своего плавания в английских водах, что наши матросы старались не уступить англичанам в скорости взятия рифов, прибавке или убавке парусов: «теперь исполняют в 3 или 4 минуты такие работы, с которыми прежде едва справлялись в 10 или 12 минут». Марлинский отмечает этот дух соревнования в своем «Лейтенанте Белозере»: «стыдно будет русским находить в том невозможность, что англичанами признается за достойное»⁸². Конечно, в этом играло роль не только соревнование, но и более продолжительное плавание, дававшие возможность для более основательного обучения и практики, как офицеров, так и команды.

Так или иначе, сотни русских флотских офицеров за это время имели возможность сравнить свои корабли и свое умение с судами других государств. В частности, долгие совместные плавания с англичанами оставили глубокий след. Правда, иногда попадаются упоминания, что англичане не всегда были обязательны по отношению к русским морякам. Так, в дневнике Коробки есть фраза: «офицер, посланный на шлюпке просить помощи у капитана английского фрегата "Аврора"», привез отказ, и мы, потеряв время, были в опасном положении». Однако Свиньин отмечает в своих записках: «я оставляю Англию, как будто милую Родину»⁸³. Правда, в это время Россия была в союзе с Англией и нашим офицерам даже позволяли осматривать все укрепления, занятые английскими войсками на Сицилии; Свиньин замечает по поводу своих собственных наблюдений, что «две нации сии созданы любить и почитать одна другую... Впрочем, англичане умеют ласкать того, в ком имеют нужду».

В свою очередь наши моряки не оставались в долгу и даже отдали англичанам корабль «Леандр», взятый нами под Корфу, «ибо он был коренной английский корабль»⁸⁴. Италия произвела на русских моряков сильное впечатление. Когда читаешь строки воспоминаний Свиньина о Мессине, то невольно приходит на память Жевакин 2-й. «При закате солнца гулянье на набережной... еще для меня приятнее и очаровательнее. Тут являются на сцену стыдливые красавицы без вуалей и услужники с маленькими фонарями в руках... все вместе дает картине сей необыкновенную прелесть и достоинства, превышающие несравненно подобные сцены, случающиеся у нас на бульварах»⁸⁵.

Ряд длительных кругосветных плаваний, из которых было первое в 1803–1806 гг., под руководством капитан-лейтенантов Крузенштерна и Лисянского, получивших за свою службу в английском флоте хорошее знакомство с водами Индийского и Тихого океанов, были, как говорит Веселаго, «светлым животворящим лучом, осветившим наш флот»⁸⁶. Надо иметь в виду, что в то время, не только для русских, но и для большинства европейских народов, такие длительные морские путешествия были большой редкостью. Так, Шамиссо, совершивший в 1815–1818 гг. плавание на бриге «Рюрик», замечает в своей «Reise um Welt», что он был первым берлинцем, которому удалось проделать кругосветное плавание. Прав он в этом или нет — другое дело. Важно, что в глазах выдающегося немецкого литератора его плавание на «Рюрике», одиннадцать лет после похода Крузенштерна и Лисянского, было таким необычайным событием в жизни Пруссии, что он мог считать себя пионером в области кругосветных плаваний⁸⁷.

В царствование Александра I была всего 21 кругосветная экспедиция. Судами в этих «дальних вояжах» командовали Гагемейстер, Головнин, Лазарев, Коцебу, Понофидин, Тулубеев, Хрущев, Беллинсгаузен, Васильев, Шишмарев, Дохтуров и Врангель. Эти офицеры достигли впоследствии видного положения на флоте и в береговых учреждениях Морского министерства. Некоторые из кругосветных плаваний были предприняты исключительно с научной целью — экспедиции Коцебу, Беллинсгаузена и Васильева⁸⁸.

Эти продолжительные плавания в разных климатах, долгие переходы при самых разнообразных условиях погоды и обстановки были незаменимой школой для офицеров начала XIX века. «Посещения различных стран», пишет Веселаго, «сношения с разными народами... расширили умственный горизонт плавателей... потребовали серьезного изучения и умения справляться с кораблем, энергии и твердого духа... образовали немногочисленную, но замечательную по своим достоинствам кадру, превосходных, образованных офицеров»⁸⁹. Некоторые из этих судов были очень малого тоннажа. Так, бриг «Рюрик», на котором Шамиссо сопровождал Коцебу, был всего 180 тонн. Даже сравнительно большой шлюп «Предприятие», на котором Коцебу отправился в следующее свое кругосветное плавание (1823–1826 гг.), был только в 750 тонн. Но даже на таком небольшом судне 4 лейтенанта, 8 мичманов и три штурманских помощника имели возможность приобрести незаменимый морской опыт и соприкоснуться с жизнью далеких от России стран⁹⁰.

Завалишин отмечает в своих записках, что «почти все офицеры, служившие на фрегате в этом походе, которых поприще не было насильственно прервано смертью или другим обстоятельством,

дошли до высокого положения на службе... Нахимов — адмиралом, Путятин — адмиралом, графом, генерал-адъютантом, посланником в Японии и Китае, министром просвещения»⁹¹.

Как Даль в «Мичмане Поцелуеве» про своего героя: «Смарагд вступил на «Благодатный» молодым по опыту жизни мичманом, а сошел с него старым, опытным, бывалым лейтенантом, который приобрел себе уже имя, славу отличного моряка, приобрел вес и значение между товарищами»⁹².

С одной стороны, был подбор лучших офицеров на суда, отправляющихся в заграничные плавания — за исключением назначаемых по протекции, — с другой, этот отбор флота получал исключительный морской опыт и имел возможность расширить свой горизонт далеко за пределы, доступные русским людям того времени.

Даже сравнительно короткие плавания производили глубокое впечатление на русских моряков, отражались на их мировоззрении. Так, М. Бестужев пишет о плавании брата Николая во Францию в 1817 г.: «морской поход во Францию... имел осязательное влияние, как на последующую литературную деятельность не только брата Николая, но даже Александра, равно как и на рост тех семян либерализма, которые таились в душе нашей»... «самый рейс наш до Кале и возвращение от него в Россию лил обильною струею благотворную влагу для роста семян либерализма... у нас на корабле находилась жена генерала Жомини с компаньонкой. Генеральша была завзятая республиканка; компаньонка ее из плебейского рода — тем более»⁹³.

Эти частые плавания российских эскадр за границу и «дальние вояжи» отдельных судов, вместе с подъемом научной подготовки в Морском корпусе, подняли настолько высоко уровень теоретических и практических знаний молодых офицеров флота в начале XIX века, что они могли тягаться в знаниях с более пожилыми офицерами, получившими практику на судах английского флота. Завалишин, молодым офицером, уже относился критически к английскому методу образования морских офицеров, относительно такого замечательного моряка, как М. П. Лазарев, он пишет: «его гордость сильно возмущалась моим теоретическим превосходством, и он, не решаясь отрицать его, старался для уменьшения значения его доказывать всегда преимущество будто бы практического знания над теоретическим». В другом месте тот же автор, критикуя в лице Лазарева английскую морскую школу того времени, говорит: «все человеческое достоинство, по его понятиям, заключалось, только в том, чтобы быть отличным моряком. Невежество его по предметам общего образования было даже изумительное, он ничему не придавал значения вне своей специальности». Завалишин осуждает англоманство Лазарева, выражавшееся даже в мелочах. Например, последний, командуя судном, не приглашал на парадные обеды мичманов, следуя обычаям английского флота, где мичманы не являются полноправными офицерами. Характерно, как, стоя на вахте, Завалишин выговаривал не в меру усердному мичману Домашенко: «Вы не английский мичман, а русский офицер. Извольте идти на свое место»⁹⁴.

Суждения Завалишина не всегда следует принимать полностью на веру. Литература по декабристскому движению заставляет предполагать, что он не был чужд преувеличения своих достоинств и умаления значения своих соплавателей и сотрудников. Возможно, однако, вывести заключение из анализа его «Записок», что к

концу царствования императора Александра I молодые моряки не были слепыми подражателями англичан и высоко ставили знания, приобретенные ими в корпусе. Это не мешало тому же Завалишину ценить практические сведения офицеров, прошедших английскую школу, как, например, М.В.Милюкова, с которым он плавал на бриге «Феникс». Милюков «считался первым во флоте знатоком морского дела»⁵⁵.

В это время русские морские офицеры были группой, наиболее близко соприкасавшейся с западом из всего тогдашнего общества, за исключением сравнительно малочисленных дипломатов. Несмотря на это, в лице некоторых своих представителей, о которых мы имеем сведения, они совсем не потеряли свою «русскость», а, наоборот, путем сопоставления и сравнения, пришли к сознанию своего превосходства над иностранцами в области морской профессии, в которой в XVIII веке русские шли на помочах иностранцев. Этот факт стоит отметить.

Уместно будет упомянуть, что, помимо Морского корпуса, службы на английском флоте и заграничных плаваний, некоторые морские офицеры временами пополняли свое общее образование путем слушания лекций в Петербургском университете и в Горном корпусе⁵⁶.

Конечно, далеко не все морские офицеры попадали в заграничные плавания или командировки за границу. Однако из общего числа обследованных офицеров, произведенных при Александре I, 57 были в сравнительно длинных заграничных плаваниях (за пределами Балтийского моря), 9 ходили вокруг света и 5 служили на английском флоте волонтерами, всего же 71 человек, т. е. около 42% от общего числа. Правда, некоторые офицеры этого времени, как, например, Аберьянов, Анугин и Бартенев плавали мало и единственными судами, которыми им пришлось командовать, были гардкоуты на Волге. Но первая группа давала тон. По ним равнялись. Широкая публика считала их характерным элементом современного им флота. Недаром герои как Гоголя, так и Даля и Марлинского, все относятся к этой группе. О беломорцах, как называли участников кампании в Адриатическом море на нашем флоте, ходили легенды. Как пишет Даль: «не осталось у нас теперь беломорцев», характеризуя этим конец целой эпохи⁵⁷.

Продолжение следует

Примечания

- ⁵⁸ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. 1. С. 537–538.
⁵⁹ Там же. С. 281, 304.
⁶⁰ Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования. СПб., 1902. С. 89–90.
⁶¹ Веселаго Ф. Краткая история русского флота. СПб., 1893. Вып. 1. С. 387.
⁶² Там же. С. 138, 235.
⁶³ Там же. С. 293.
⁶⁴ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 333.
⁶⁵ Там же. С. 334.
⁶⁶ Там же. С. 338–339, 342.
⁶⁷ Русский биографический словарь. Т. 1. С. 36, 37.
⁶⁸ Архив графов Мордвиновых. Т. 2. С. 17.
⁶⁹ Там же. Т. 3. С. 18.
⁷⁰ Огородников С.Ф. Исторический обзор. С. 65.

- ⁷¹ Штейнгель В.И. Записки барона В.И.Штейнгеля / Под ред. П.Е.Щеголева // Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. 1. Декабристы. СПб., 1905. С. 373.
⁷² Имеется в виду Максим Петрович Коробко (Коробка) (1761–1836), вице-адмирал (1824). — *Прим. ред.*
⁷³ Броневский В. Письма морского офицера. М., 1825. Т. 1. С. 40, 145, 99–100.
⁷⁴ Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. 336.
⁷⁵ Броневский В. Письма. Т. 1. С. 1, 2.
⁷⁶ Там же. Т. 2. С. 167.
⁷⁷ Там же. Т. 2. С. 348, 414.
⁷⁸ Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. 280.
⁷⁹ Веселаго Ф. Краткая история. Вып. 1. С. 215, 243, 253–258, 261, 278, 317–319, 328–329, 332, 369.
⁸⁰ Там же. С. 375.
⁸¹ Даль В. Морские досуги // Собрание сочинений. СПб., 1897. Т. 6. С. 233.
⁸² Веселаго Ф. Краткая история. Вып. 1. С. 243; Марлинский А. Лейтенант Белозор // Собрание сочинений. СПб., 1847. Ч. 3. С. 12.
⁸³ Свинын П. Воспоминания на флоте. СПб., 1819. Т. 2. С. 233.
⁸⁴ Там же. С. 89.
⁸⁵ Там же. С. 142.
⁸⁶ Веселаго Ф. Краткая история. Вып. 1. С. 382.
⁸⁷ Chamisso A. Reise um die Welt. P. 26, 27, 46.
⁸⁸ Веселаго Ф. Краткая история. Вып. 1. С. 76, 77.
⁸⁹ Там же. С. 382–383.
⁹⁰ Chamisso A. Reise um die Welt. P. 26.; Коцебу О.Е. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Предприятие» в 1823, 24, 25 и 26 годах под начальством флота капитан-лейтенанта Коцебу. СПб. 1828. С. 1–4.
⁹¹ Завалишин Д.И. Записки декабриста. Мюнхен, 1904. Т. 1. С. 91.
⁹² Даль В. Мичман Поцелуев. Т. 2. С. 443.
⁹³ Воспоминания Бестужевых. М., 1931. С. 336–337 (Корабль, на котором был Бестужев, перевозил наши войска из оккупационной армии во Франции обратно в Россию); Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805–1850. СПб., 1882. С. 149.
⁹⁴ Завалишин Д.И. Записки. Т. 1. С. 92, 96.
⁹⁵ Там же. С. 44, 45.
⁹⁶ Там же. С. 70.
⁹⁷ Даль В. Мичман Поцелуев. Т. 2. С. 354.

РУССКИЕ ФЛОТСКИЕ ОФИЦЕРЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА

(продолжение)

Кроме корпуса, службы на английском флоте и заграничных походов, был еще очень важный фактор, завершавший воспитание флотского офицера начала XIX века. Вопреки довольно распространенному мнению, что до реформ великого князя Константина Николаевича кают-компания не существовала на русском флоте, появление этой своеобразной формы корабельной жизни офицеров относится еще к царствованию Екатерины II, когда было постановлено: «Иеромонаху, комиссару, шхиперу и прочим подобным чинам иметь один общий стол и, тако же капитану с офицерами устроить свою кают-компанию». Это нововведение имело громадное влияние, по выражению Веселаго, «как на смягчение нравов морских офицеров, так и на развитие среди них общественной и близких дружеских отношений... влиянием большинства сглаживались угловатости отдельных личностей и развивался вкус к искусствам... музыке и пению»¹¹⁰.

В описаниях морских мемуаристов начала XIX века жизни кают-компаний уделено видное место. Шамиссо упоминает, что на маленьком «Рюрике», на котором он совершил кругосветное плавание, кают-компания была в 12 футов в квадрате (т. е. квадрат со стороной в 12 футов (3,65 м). — Прим. ред.). Несмотря на эти размеры, в кают-компаниях был камин, против которого помещался четырехугольный стол, с зеркалом на стене над ним. По обоим бортам были устроены в стенных шкапах места для спанья длиной в 6 футов, а шириной в 3,5 (т. е. 1,8×1 м. — Прим. ред.). Под ними были помещены рундуки, а на выступе,

Д.Н. ФЕДОТОВ-
УАЙТ

устроенном под койками, можно было сидеть. Меблировка включала еще несколько скамеек. В этом тесном помещении спали четыре человека, а обедали семь.

Расписание стола было следующее: кофе в 7 часов утра, обед в полдень, в 5 часов чай, а ужин в 8 часов, причем к ужину на стол подавались остатки обеда. Кают-компанию «Рюрика» обслуживал один из матросов. Курение табака разрешалось только в ее помещении. Броневский приводит несколько иное расписание жизни в кают-компаниях, относящееся к более раннему периоду (1805–1810) и к большому кораблю. «В семь часов по свисту дудочки все встают. В половине восьмого офицерам подают чай; в девять барабаном свободных от должности приглашают к молитве; в десять подают водку и закуску; в половине одиннадцатого обедают; в половине шестого в кают-компаниях разводят огонь, и все садятся вокруг чайного стола, курят трубки, пьют один чай, другие пунш и беседуют как в своем семействе; в половине осьмого ужинают и ложатся спать».

Во время шторма питались только сухарями, стаканом вина или рюмкой водки¹¹¹.

На линейном корабле «Твердый» эскадры Сенявина кают-компания занимала значительное помещение. По описанию Свинына: «Здесь на шести столах бьются в карты; там разыгрывают квартет; здесь спорят за шашками; в уголку собралась компания друзей и с сигарою во рту и с чашкой чая в руке один рассказывает другому. Посередине вальсируют, там бренчат на фортепиано и гитаре, или охотник до театра декламирует трагическую сцену из «Самозванца». Броневский описывает жизнь в кают-компаниях корабля той же эскадры «Св. Петр» сходными чертами: «Она представляла гостиную, куда собралось общество согласных родных. Они играли в бостон, в шахматы, в лото, другие разыгрывали, как умели, квартет; иные читали или заботились приготовлением чая. Закурив трубку и подвинув стул к камину, я любовался алым пламенем»¹¹².

Беляев, плававший в 1823 году на фрегате «Проворный», пишет, что на кораблях обыкновенно общество офицеров выбирает одного из своей среды хозяином, обязанность которого заготавливать все для кают-компаний. Для покрытия расходов собирается сумма, состоящая из офицерских взносов. На «Проворном» был хозяином доктор Дроздов, большой гастроном. Он закупил все, что нужно было для кают-компаний: «чай, сахар, вина, сыры, портер и пр. На палубе в клетках уже сидели бараны... а в больших клетках куры и петухи». На больших кораблях, по-видимому, стол в кают-компаниях был очень хороший. По словам Броневского, в кают-компаниях «Св. Петра», после сытного ужина, «которым и толстый винный откупщик в Москве был бы доволен... офицеры танцевали до самого света»¹¹³.

Хотя обычно тосты пились портвейном, в торжественных случаях в кают-компаниях пили шампанское. Беляев пишет: «Прежде нашего отправления офицеры корабля давали обед адмиралу, где было выпито много шампанского, было произнесено множество тостов доброму адмиралу». По-видимому, некоторые тосты были традиционными в кают-компаниях того времени: «гостями, которые всегда предлагал сам адмирал, первым тостом был добрый путь, затем присутствующие и отсутствующие

«друзи»... затем здоровье глаз... пленивших нас; здоровье того, кто любит кого». В день ухода «Проворного» за границу: «все офицеры сошли в кают-компанию, где во время обеда и живых разговоров пили за здоровье государя, за счастливое плавание, за милых сердцу... отуманенные шампанским, все разбрелись по каютам и сладко заснули». Кают-компания за границей часто устраивала приемы иностранных гостей. Так, в Бресте офицеры того же «Проворного» «дали обед на фрегате всему брестскому обществу. За обедом было более семидесяти человек. Шханцы были украшены абордажным оружием и флагами с вензелями императора и короля. Стол был роскошный, тосты, конечно, с шампанским»¹¹⁴.

Такие пиры в кают-компаниях гвардейского фрегата были, конечно, резким контрастом со скромным столом небольших судов в «далеком вояже». Шамиссо упоминает, что после старой солонины и мяса морских птиц, которыми питались в течение долгого времени офицеры «Рюрика», мясо оленя было настоящим лакомством¹¹⁵. Все же Беляев был поражен изысканностью стола английских сухопутных офицеров, собрание которых он посетил в Гибралтаре: «обед у английских офицеров был роскошен, как по обстановке, так и по прислуге: все официанты, которых приходилось на три-четыре куверта по одному, были в ливреях, вышитых серебряными галунами, в перчатках, с белыми салфетками исключительной белизны»¹¹⁶.

Эта обобществленная жизнь русских морских офицеров, начиная с воспитания в закрытом учебном заведении — Морском корпусе, а затем в кают-компаниях кораблей, была в то время исключительным явлением в среде русского образованного общества. Надо припомнить, что в это время, помимо «артелей» некоторых гвардейских полков, сухопутные офицеры не имели полковых собраний, да и клубная жизнь вообще была еще мало распространена в России.

Жизнь тесной группой вела к большой сплоченности и даже изолированности морских офицеров от лиц других профессий. М. Бестужев замечает: «Моряки вообще более других замыкаются в себе и не слишком соединительны с новыми лицами, а особенно трудно сближаются с пехотинцами»¹¹⁷. Зато внутри флотской среды господствовали замечательные сплоченность и дружба. Броневский описывает первый день по приходу на Корфу эскадры Сенявина и встречу с судами эскадры Грейга: «Первый день... провели мы во взаимных посещениях, шлюпки беспрестанно переезжали с корабля на корабль; всякий спешил видеть друга, товарища, брата. Вот названия, какие дают друг другу товарищи кадеты... на скользком пути жизни. На военном поприще, где зависть часто разрывает твердейшие связи, друзья товарищи до глубокой старости пребывают верными... от сего-то корпус морских и артиллерийских офицеров составляет самое согласное общество. Выгода общественного воспитания тут видна»¹¹⁸.

Декабрист Н. Бестужев писал из ссылки другому декабристу Завалишину в 1854 году: «Меня оживили добрые вести о славных делах наших моряков». Даже крепость, каторга и ссылка не убили корпоративного духа Бестужева. Шишков просил в 1819 году главного начальника в Кронштадте фон Моллера за

по ступеням
флотской службы

по ступеням
флотской службы

вдову своего товарища, которой было отказано в пенсии, «вспомнив, что покойный ея муж был со мной кадетом»¹¹⁹.

Случай с П.Т. Головачевым, «одним из самых благородных офицеров того времени», по выражению барона Штейнгеля, очень характерен для нравов морской среды того времени. Посланник Рязанов, пожаловавшись на отношение к нему офицеров «Надежды», похвалил Головачева. «С этой минуты на Головачева напала ипохондрия, он заподозрил, что товарищи могут заподозрить его в искательстве; ипохондрия... развилась... на обратном пути в Петербург он застрелился»¹²⁰.

Конечно, можно предположить, что у Головачева были психические предпосылки к мании преследования, но сам мотив все же типичен для тесно-сплоченной среды моряков александровских времен. Человек, посторонний морской семье, П. Свинын, отмечает в своих «Воспоминаниях на флоте» сцену свидания моряков в Боко ди Катаро: «Не в состоянии описать многих чувствительных сцен, мною виденных, не в состоянии описать той непритворной радости... при свидании с другом, товарищем детства, того торжества дружбы, которая свойственна им одним... лишенные семейственных наслаждений, родственных пособий товарищи — в себе самих находят родных и протекторов... они готовы страдать и умереть один за другого; у них общий кошелек, общий труд, общая честь и слава, общая польза и виды. Ни злоба, ни зависть не в состоянии разорвать связи их». Этот отрывок ярко показывает, как поражала наблюдателя железная сплоченность и тесная дружба моряков. Для Гоголя казалось смешным, что Жевакин 2-й мыслями был со своими товарищами по эскадрам, Дыркою и Петуховым. Гоголю была чужда эта спаянная среда. Свинын же, имевший возможность лучше познакомиться с моряками, понял огромную силу этой корпоративной дружбы, благодаря которой кают-компания жили такой полной и веселой жизнью в длинных заграничных походах. Ему удалось написать блестящий эпитаф этим морякам, «готовым страдать и умереть один за другого».

Броневский рассказывает о своей дружбе с одним из офицеров фрегата «Венус»: «При несходстве нравов, мы любили быть вместе, делили радость и печали с удовольствием, и во всю службу не разлучались. Мы не имели между собой ничего тайного, откровенно говорили правду». После ранения Броневского, при осаде Тендоса турками, его друг «перевел меня на фрегат, сам помогал лекарю при перевязке, сам давал мне лекарства. Словом, покоил меня, ходил за мною как брат. Как отец... Должно было отнять руку по состав плеча, но Н... на сие не согласился. В Которе наняв для меня квартиру, он сыскал славного Корузу... и сей... вынул из плеча 23 кости и не только жизнь, но и руку мне сохранил».

Самым замечательным памятником дружбы моряков, вероятно, является поведение адмирала Кроуна и офицеров флагманского корабля при приведении в исполнение приговора над моряками-декабристами. Завалишин пишет: «Пароход пристал к парадному входу флагманского корабля... командир корабля и офицеры встречали нас пожатием руки, а стоявшие вдали приветствовали нас знаками. Старик адмирал, не выдержав, заплакал... плакали навзрыд матросы и офицеры». Когда, по

приведении приговора в исполнение, моряки-декабристы снова сошли на пароход, то они нашли, что офицеры флагманского корабля «позаботились доставить на пароход вкусный завтрак, чай и кофе».

Офицеры корвета «Флора», разбившегося у берегов Албании, были захвачены турками в плен и содержались в заключении в Константинополе. Один из офицеров, лейтенант Сафонов, придумал писать небольшие картинки, которые охотно раскупались турками. «Я рисовал всегда турецкий корабль разбил 3-х английских и несколько французских». За эти картинки Сафонов получал плату или деньгами, или съестным, «которое делил с товарищами».

Длительная жизнь в группе выработала идеальный тип, хорошо схваченный Броневским: «принадлежит к числу отличных наших морских офицеров... учтивый. Умеющий шутить. Никого не оскорбляя, он не подал никогда повода к ссоре»¹²¹.

Воспоминания о жизни кают-компаний, о приемах гостей за границей, о шампанском и портвейне создают впечатление среды богатых помещиков, не стесняющихся в средствах.

На самом деле, по-видимому, положение было совершенно иное. Офицер гвардейского экипажа А.П.Беляев пишет: «Я родился от бедных и благородных родителей». Его отец, выйдя в отставку, служил управляющим в имении графа Разумовского. После смерти отца семья осталась «без всяких средств». После заграничного плавания братья Беляевы собрали наконец достаточно денег, «чтобы обмундироваться как следует и сшили себе шинели из хорошего сукна, подбитые левантином»¹²². Адмирал Шишков, который остался при Павле Петровиче не у дел, «никуда не намерен был ехать, ибо никакой собственности не имел». По-видимому, свою первую деревню Шишков приобрел при коронации Александра I, когда «при расхватке деревень, и на мою долю... 250 душ»¹²³.

Об имущественном положении моряков-декабристов сохранился материал в крайне интересной «Записке», из которой ясно видно, что братья Беляевы и Шишков отнюдь не были исключениями в смысле отсутствия у них личных средств, помимо жалования. Так о лейтенанте Гвардейского экипажа Акулове имеются следующие сведения: «У него два брата и две сестры. Один брат служит полковником Лейб-гвардии в Финляндском полку: за ним состоит родового имения в Ярославской губ., в Пешехонском уезде 19 душ». У другого брата, Ивана, было 30 душ. У сестры Елены, замужем за отставным лейтенантом флота Лениным, было 77 душ.

У другого офицера Гвардейского экипажа, лейтенанта Арбузова было, совместно с братом и двумя сестрами, всего 83 души. Капитан-лейтенант Н.Бестужев никакого имения не имел. Также как и брат его мичман Петр Бестужев. Мать их имела 34 души. Как сказано в «Записке»: «Вообще она состояния недостаточного».

Лейтенант Гвардейского экипажа Бодиско 1-й, брат его того же экипажа мичман Бодиско 2-й, своих имений не имели. Семейное имение, неразделенное, которым владели мать, четыре брата и три сестры, состояло из 200 душ в Тульской губернии.

Лейтенант Гвардейского экипажа Вишневский «живет своим жалованием, обременен долгами».

по ступеням
флотской службы

по ступеням
флотской службы

Мичман Гвардейского экипажа Дивов «по смерти отца... остался... нескольких дней от рождения, воспитан трудами матери, не получившей после мужа никакого имения... вдова... пропитывается трудами своими и вспомоществованием благотворительных людей».

Что касается лейтенанта Завалишина, то «отец... и мать... умерли, оставив трех сыновей и одну дочь без всякого состояния».

Лейтенант Гвардейского экипажа Кюхельбекер 2-й тоже бедный человек: «Мать их получает пенсии 1100 руб... и не имея никакой собственности живет с дочерью своей, девицей Ульяной у дочери своей, вдовы»...

Лейтенант Гвардейского экипажа Мусин-Пушкин имел сестру Ольгу, замужем за штабс-капитаном Масловым — «за нею 40 душ, за мужем... 20 душ». Невестка его, бывшая замужем за его братом, отставным капитан-лейтенантом Степаном Мусиным-Пушкиным, «живет в г. Кронштадте в доме отца своего матроса Тимофея Горюнова».

У капитан-лейтенанта Торсона «мать... в бедном положении». Он сам не имел никакого имения.

Братья Цедриковы (из которых один был в Гвардейском экипаже) имели сестру, которая жила по родству у генеральши Княжниной и была «состояния недостаточного».

У барона Штейнгеля семья «находилась в затруднительном материальном положении». А про тещу сообщается, что она живет в Москве и «находится в крайней бедности»¹²⁴.

Таким образом, из 17 флотских офицеров, об имущественном положении которых «Записка» дает сведения, только братья Бодиско происходили из сравнительно состоятельной семьи, да еще лейтенант Ленин оставил своей вдове 77 душ. О семи офицерах видно, что они и их семьи вообще никакого имущества не имели.

Уже было упомянуто о вдове капитана 1 ранга, за которую хлопотал Шишков. О ней последний писал, что она «теперь находится в самом горестном положении»¹²⁵.

Так как очень значительная их часть, включая братьев Бодиско, служила в Гвардейском экипаже, куда, надо думать, и в то время шли люди сравнительно более обеспеченные материально, чем флотские офицеры вообще, можно предположить, что имущественный уровень морских офицеров начала XIX века не был выше лиц, о которых имеются сведения в списке.

Имеются некоторые указания и другого характера. Так, например, Мордвинов в своем «Мнении относительно Крыма» пишет: «Адмирал Ушаков имеет на 14 марта 1802 года в Бельбеке владение из 4000 десятин; но в числе оных пашетных¹²⁶ только 20»¹²⁷. Очевидно, что речь идет о жалованном имении, полученном Ушаковым в награду за свои победы, а не о родовом имуществе.

При Александре I перед морскими офицерами открылась возможность в военное время пополнять свои средства за счет призов. «Теперь охотнее желаем приобрести что-нибудь трудом: ибо закон Петра Великого о призах государь утвердил и распространил», — пишет Коробка в своем журнале. Он же говорит, что российские суда в Средиземном море «в сие короткое время приобрели более, нежели миллион рублей призов». Материальные

побуждения усилили деятельность русских крейсеров в Адриатике: «Брали суда из-под самых батарей, принудили французов уступить нам совершенное господство над морем»¹²⁸.

Однако призовые деньги достались лишь небольшой части офицеров того времени. Остальные, по-видимому, должны были жить одним жалованием, которое в то время на берегу было ниже окладов сухопутных войск. Да и столовые деньги, отпускаемые во время морских кампаний, только при Александре II были увеличены в соответствии с ростом цен на продукты. Правда, А.С.Грейгу, занимавшему с 1816 г. пост главного командира, удалось исходатайствовать деньги на квартиры и их отопление и добиться некоторого увеличения порционных денег, как тогда называлось морское довольствие офицеров Черноморского флота. При таком материальном положении оставление «десяти и более» вакансий в Морском кадетском корпусе для детей офицеров этого флота было им большою помощью в деле воспитания сыновей¹²⁹.

В заграничных плаваниях, получая жалование золотом, морские офицеры были менее стеснены средствами. Воспоминания морских мемуаристов показывают, что значительная часть флотской молодежи старалась всемерно использовать свое пребывание за границей для расширения кругозора. Они не ограничиваются осмотром портовых городов, куда заходили их корабли, а совершали, особенно в Италии, поездки по окрестностям, посещали музеи, монастыри, церкви, развалины и места, известные своей живописностью.

По имеющемуся материалу трудно составить себе точное представление об общем уровне умственных интересов и начитанности моряков начала XIX века. Очень вероятно, что оставившие после себя записки и журналы были скорее впереди, чем посередине, массы тогдашнего офицерства. Все же сравнительно большое число печатных трудов, которые удалось посмотреть, заставляет думать, что интерес к истории, экономическим наукам, живописи, литературе, музыке, скульптуре и архитектуре, о котором свидетельствуют воспоминания, не был исключительным достоянием их авторов.

Музыка и пение настолько тесно связаны со всею культурною жизнью русского народа, что не приходится удивляться рассказу Шамиссо, что на крошечном «Рюрике» был образован матросский хор с «янычарской музыкой», а офицеры купили фисгармонию, которую они попытались установить в тесном помещении кают-компаний¹³⁰.

Броневский отправляется на Рождество в церковь св. Филиппа в Палермо на ораторию... «слышу: слава в вышних Богу. Это поет хор ангелов... радуюсь, что силы небесные столь ко мне близки... волхвы умолкли — и один нежный сладостный голос восхитил вновь мои чувства; не смею пошевелиться, не смею перевести дыхания — душа и взор обращены к небу... ничто так не возвышает душу, как музыка и подобное пение»¹³¹.

Наши моряки приносили итальянскую музыку к себе домой, в Россию. Даль пишет: «Настроил гитару, сыграл и спел, сам для себя старинную итальянскую арийку, которой выучил его один... вековечный капитан-лейтенант, бывший еще в знаменитом корфинском походе»¹³².

по ступеням
флотской службы

по ступеням
флотской службы

Коробка, в разговоре о музыке и пении, говорит: «Люблю отменно и то и другое»... «с удовольствием неизъяснимым я слушал прилежно и дабы не упустить ни одного тона, не смел дышать». В Триесте, где он слушал оперу «Инеса де Кастро», он восхищался певицею Сесси, которую называет «первой в Италии»¹³³. Когда труппа итальянских актеров совершает переход на судне Коробки, то один из артистов, «всегда окруженный нашими гардемаринами, вторит им на гитаре»¹³⁴.

У Коробки развитый вкус. Он сравнивает между собой оперные труппы в различных городах Италии. Восторгаясь пением знаменитого Давида в опере Сан-Карло в Неаполе, он, однако, критически оценивает его игру. Перечисление им итальянских композиторов «чтобы насладиться особенно гармониею Лео, Жомелли, Гримальди, Чимарозо и Поезиелло Неаполь и теперь и всегда будет великим хранилищем музыкальных произведений» показывает, насколько этот флотский офицер освоился с итальянской музыкой¹³⁵.

Театралов среди тогдашних флотских офицеров было великое множество. Декабристы Бестужевы устраивали в Кронштадте театральные представления и разыгрывали там пьесы Коцебу, которые в то время появлялись на подмостках чуть ли не всей Европы. Николай Бестужев был «и директор, и костюмист, и режиссер, и главный актер». Михаил Бестужев организовал театр даже в Архангельске. Коробка восторгался в Италии театром марионеток, куда он случайно попал с ватагой гардемарин. Разбирая виденные им представления в Венеции, он пишет: «пьеса была очень не занимательна; балет "Портной", глупейшее произведение ума». С другой стороны, Арлекинада так ему понравилось, «что не пропускал ни одного представления, и нередко выходил из театра с толпой».

Записки Броневского пестрят упоминаниями о виденных театральных представлениях. Так, в Палермо «оперы Буфо и Арлекин превосходны, балет также хорош, но трагедий, особенно трагических опер можно сказать нет». В театре Сан-Фернандо он видел «Дидону, сочинение славного Метастазия»¹³⁶.

Английский театр, по-видимому, нравился нашим морякам значительно меньше итальянского. «Я был в госпортском театре и более никогда не пойду, — пишет в своем журнале Коробка, — национальные комедии до того наполнены площадным буффонством, что не имеют и малой занимательности. Актеры: один ломается, другой важничает, третий выдает себя за чудака, и кто из них успеет прежде рассмешить публику, тот и остается любимцем ее». Коробка сожалеет, что «Шекспировы трагедии» редко даются «по малому числу хороших актеров».

Русские моряки александровских времен были в числе первых российских балетоманов. Даже балет «Дуо двух гитар» в скромном корфинском театре привлекает Коробку. О местной *Prima-grotesca* Люйджини он говорит, что она «есть из тех, которые высоко скачут, танцует бесподобно, не уступая первой балерине г-же Гаэтани». Он ездил в корфинский театр ежедневно, но его страсть к балету не проходила. «Сегодняшний балет, как содержанием, так и игрою актеров и музыкою, по справедливости заслуживает быть назван превосходным... Г-жа Гаэтани неподражаемо изображает свою радость, отчаяние

и надежду; пантомима ее оживлена была языком чувства». Народный балет, поставленный корфинскими крестьянами, тоже понравился Коробке: «это явление простых мужиков на сцене, по новости своей меня заинтересовало и нравилось». Танцовщица триестского театра привела его в восторг. Он «никак не мог ожидать, чтобы в таком провинциальном городе, как Триест», могла быть отличная труппа.

Живопись также увлекала флотских офицеров. Дочь адмирала Мордвинова пишет о своем отце, что он «был большой знаток в живописи и... еще в 1784... в Ливорно... составил себе собрание картин знаменитых живописцев». Сын Мордвинова, хотя не имел хорошего учителя живописи, но всегда любил рисовать.

Коробка, осматривая картины в церквях на Корфу, находил, что «живопись, особенно в старых греческих церквях, похожа на китайскую». Сознываясь в отсутствии правильного художественного образования, он все же стремился выработать собственный вкус, а не следовать чужим суждениям. «Не будучи знаком в сем изящном искусстве, не рассматривая картины своими глазами, я не видел причины... восхищаться и выдавать хорошее за превосходное, и посредственное за образец искусства живописи». Коробка — поклонник Рафаэля: «Исходящий от ангела свет... есть чудо в искусстве смещения темноты со светом, есть лучший свидетель таланта Рафаэля — один Рафаэль достиг совершенства». Броневский, осматривая храмы Палермо, замечает: «Не только лучшие церкви, но и малые часовни, украшены трудами искуснейших художников. Рафаэль, Мишель-Анжело¹³⁷, Корреджо, даже и в копиях показываются необыкновенными творениями искусства живописи»¹³⁸.

Архитектура и скульптура интересовали наших моряков, по-видимому, не менее живописи и музыки. Мемуары полны описания зданий, виденных ими за границей, начиная с копенгагенской биржи, «которая ничего не представляет, ни богатого, ни приятного», по словам Коробки, до храма картезианского монастыря в Неаполе, купол которого «смело повешен в воздухе». В Сиракузах Броневский замечает, что соборная церковь «украшается крыльцом, которого прекрасные колонны обращают на себя взор»¹³⁹.

В Палермо Коробка любовался двумя мраморными группами, которые, «хотя итальянской работы, но... не уступают превосходным греческим статуям», а в Венеции он осматривал четырех коней «работы славного Лизиппа». Броневский в свою очередь восхищался статуями «Гажини, почитаемого Мишель-Анжело Сицилии»¹⁴⁰.

При чтении воспоминаний, писем, журналов и записок, оставленных флотскими офицерами начала XIX века, обращает на себя внимание их широкая начитанность и любовь к книгам. Уже не говоря о таких высокообразованных по своему времени людях, как Н. Бестужев и Д. Завалишин, воспоминания других, менее их выдающихся в смысле образования, показывают, как много читали эти люди. Коробка читал произведения, «изображенные золотым пером Петрарки и Ариоста», знал Горация и Вергилия, читал Плиния Младшего, а из более поздних Вольтера и Руссо. По-видимому, он читал Данте в подлиннике, выучившись по-итальянски во время плавания в Средиземном

по ступеням
флотской службы

по ступеням
флотской службы

море. О Метастазии он говорит как о «любимом мною итальянском писателе». Он подписывается на историю острова Корфу «от греческих времен до XII столетия» и даже переводит ее на русский язык. С тремя другими офицерами (Державиным, Муравьевым и Хвостовым) он учреждает Беседу любителей русского слова и устраивает чтения русских авторов во время заграничного плавания. При посещении Базеля его более всего заинтересовала книга Эразма, «хвалившая глупость весьма остроумным и забавным слогом». О Панглоссе он говорит в своей книге тоном человека, уверенного, что его читатели (в числе которых он мог предполагать большое число морских офицеров) отлично знают, о ком идет речь.

Беляев «принялся жадно читать все... в том числе Вольтера, Руссо... энциклопедистов, начал перевод *L'homme sauvage*... из философского лексикона Вольтера более других подействовали на меня фанатизм и другие в таком роде статьи». Он же говорит, что прочел романы Вольтера Скотта и Купера, а его замечания об Эльсиноре заставляют думать, что он был знаком с Шекспиром.

Штейнгель говорит: «Двадцать семь лет я упражнялся и упражняюсь в беспрестанном чтении. Я читал Княжина, Вадима, даже печатный экземпляр Радищева «Поездка в Москву», сочинения фон Визина¹⁴¹, Вольтера, Руссо, Гельвеция». Он прочел Грибоедова и Гоголя в рукописи.

Петр Бестужев читал Рейналя, был также знаком с Радищевым и сочинением Фонвизина «О необходимости законов», из стихов он знал произведения Пушкина, Рылеева и князя Вяземского. Беляев 2-й много читал по греческой и римской истории, а из французских писателей Вольтера и Руссо.

Даже юный мичман Дивов успел прочесть Рейналя, де-Лольма, Вейсса и «Путешествие в Америку» Лафайета. Последнюю книгу он перевел на русский язык.

Некоторые морские офицеры даже привозили запрещенные книги из Англии и занимались распространением их, а Завалишин гордился тем, что ему первому удалось привезти в Казань список «Горе от ума». Поцелуев знал Нелединского-Мелецкого, Мерзлякова, Дмитриева, Карамзина и сам пытался писать стихи¹⁴².

Мордвинов, особенно внимательно следивший за современной ему английской литературой, считал себя «учеником Смита и Бентама». Он прочел Гомера на древне-греческом языке, что по тогдашнему времени было большой редкостью в России.

Заслуги Шишкова в деле расширения работ Российской академии слишком хорошо известны, чтобы здесь было надобно подробно останавливаться на его работе по постановке академии на прочные основания. До проведенного им в 1818 году штата академия получала годового содержания менее девяти тысяч рублей. Как устав академии, так и ее новые штаты были составлены Шишковым¹⁴³.

Таким образом, имеются основания думать, что, помимо серьезных по тому времени знаний в области математических и специальных наук, русские моряки начала XIX века были людьми с широкими интересами в мире литературы и искусства.

Шамиссо отмечает еще одну черту, характерную для лучших русских морских офицеров александровской эпохи. Описывая

обращение Коцебу с туземцами, он замечает: «Я не думаю, что европейцы могли бы лучше себя вести по отношению к чужим народам, “дикарям”, чем мы это повсеместно делали».

Коцебу привез в подарок жителям группы Радак несколько коз и свиней, чтобы дать возможность туземцам разводить этих животных. Он оставил им также несколько кур с петухом и пытался научить их разводить арбузы, дыни и другие полезные плоды. Островитянин, отправившийся в плавание на «Рюрик» с Радака, жил на положении пассажира на бриге¹⁴⁴.

Эта гуманность видна и в Коробке, когда он восклицает, описывая плавучую тюрьму военнопленных в Портсмуте: «Жалкая участь! Вы не можете себе представить, как с ними сурово обращаются», прибавляя: «Такое суровое обращение отнимает много чести у народа, каков английский». Он не может удержаться в Неаполе, чтобы не раздать все свои деньги нищим: «Не поверю, чтобы можно быть равнодушным к нищете... В ту минуту, когда с радостью делил деньги нищим, не хотел бы иметь свидетелей»¹⁴⁵.

В новой прокламации к бокезцам и черногорцам, датированной 24 сентября 1806 года, Сенявин, поздравляя своих союзников с победой, благодарит их за хорошее обхождение с пленными. В заключение он выразил свои чувства — «Всячески желаю, чтобы человечество и впредь не было оскорблено»¹⁴⁶.

Окончание следует

по ступеням
флотской службы

по ступеням
флотской службы

Примечания

- ¹⁴⁰ *Веселаго Ф.* Краткая история русского флота. СПб., 1893. Вып. 1. С. 245.
¹⁴¹ *Chamisso A.* Reise um die Welt. P. 26, 27, 46.; *Броневский В.* Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземноморье под начальством Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1813. СПб., 1818. Ч. 3. С. 189.
¹⁴² *Свиньин П.* Воспоминания. Ч. 2. 1818. С. 114, 115; *Броневский В.* Записки Ч. 1. С. 67.
¹⁴³ *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста. С. 97–98; *Броневский В.* Записки. Ч. 1. С. 71–150, 153.
¹⁴⁴ *Chamisso A.* Reise um die Welt. P. 165.
¹⁴⁵ *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста. С. 128.
¹⁴⁶ Воспоминания Бестужевых. С. 338.
¹⁴⁷ *Броневский В.* Записки Ч. 1. С. 114–115.
¹⁴⁸ *Бестужев Н. А.* Статьи и письма. М.; Л., 1933. С. 269.; *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2. С. 366–367.
¹⁴⁹ *Штейнгель В. И.* Записки. С. 380.
Это произошло в 1806 г. на о. Св. Елены. — *Прим. ред.*
¹⁵⁰ *Свиньин П.* Воспоминания. Ч. 1. С. 146, 147. Ч. 3. С. 17; *Завалишин Д. И.* Записки. Т. 2. С. 54, 55; *Броневский В.*: 1) Письма. Ч. 2. С. 366; 2) Записки. Ч. 3. С. 130, 131.
¹⁵¹ *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805–1850. СПб., 1882. С. 5–8, 14, 136.
¹⁵² *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Т. 1. С. 12, 22.
¹⁵³ Все эти сведения заимствованы из «Записки о состоянии домашних обстоятельств и т. д.», находящейся в архиве Октябрьской революции (особый отдел), Д. 315. Л. 304, 350. Появилось в: *Чернов С.* Об имущественном положении декабристов // «Красный архив». Т. 15. 1926. С. 146–213.
¹⁵⁴ *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2. С. 366.
¹⁵⁵ То есть пахотных. — *Прим. ред.*
¹⁵⁶ Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. 209.
¹⁵⁷ *Броневский В.* Письма морского офицера. М., 1825. Ч. 2. С. 161, 171, 198.
¹⁵⁸ *Веселаго Ф.* Краткий очерк. Вып. 2. С. 388.; *Огородников С. Ф.* Исторический обзор. С. 160.
¹⁵⁹ *Chamisso A.* Reise um die Welt. P. 42, 43.

- ¹⁶⁰ *Броневский В.* Письма. Ч. 2. С. 43, 144.
¹⁶¹ *Даль В.* Мичман Поцелуев // Собрание сочинений. СПб., 1897. Т. 2. С. 404.
¹⁶² *Броневский В.* Письма. Ч. 2. С. 19, 104.
¹⁶³ Там же. Ч. 1. С. 117.
¹⁶⁴ Там же. Ч. 1. С. 242, 263.
¹⁶⁵ Воспоминания Бестужевых. М., 1931. С. 134; *Броневский В.*: 1) Письма. Ч. 1. С. 25, 26, 45, 59, 60, 104–105, 159, Ч. 2. С. 389–390.; 2) Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземноморье под начальством Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1813. СПб., 1818. Ч. 2. С. 201.
¹⁶⁶ Микеланджело. — *Прим. ред.*
¹⁶⁷ *Мордвинова Н. Н.* Воспоминания об адмирале графе Николае Семеновиче Мордвинове и его семействе. СПб., 1873. С. 77.
¹⁶⁸ *Броневский В.*: 1) Письма. Ч. 1. С. 5, 160.; 2) Записки. Ч. 2. С. 113.
¹⁶⁹ *Броневский В.*: 1) Письма. Ч. 2. С. 15, 258.; 2) Записки. Ч. 2. С. 141.
¹⁷⁰ Имеется в виду, конечно, известный писатель Д. И. Фонвизин. — *Прим. ред.*
¹⁷¹ *Броневский В.* Письма. Ч. 1. С. 50, 65, 93, 116, 117, 126, 127, 129, 162, 217, 261, 263, 283. *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста. С. 87, 88, 105, 201.; *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 219, 221, 223, 232, 233.; *Даль В. И.* Мичман Поцелуев. Т. 2. С. 396.
¹⁷² *Мордвинова Н. Н.* Воспоминания об адмирале графе Н. С. Мордвинове. С. XIII, 10; *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Т. 2. 92, 101.
¹⁷³ *Chamisso A.* Reise um die Welt. V. I P. 157, 254, 256, 257, 333, 334.
¹⁷⁴ *Броневский В.* Письма. Ч. 1. С. 20–21, 244.
¹⁷⁵ *Броневский В.* Записки. Ч. 2. С. 80.

РУССКИЕ ФЛОТСКИЕ ОФИЦЕРЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА

(Окончание)

Д.Н. ФЕДОТОВ-
УАЙТ

С назначением духовных лиц на суда плавающего флота в конце XVIII и начале XIX веков дело обстояло далеко не благополучно. Как пишет Штейнгель: «...в это время... на флот посылали духовных... большею частью пьяных и развратных в наказание». В результате этого отбора худших: «...к священникам не было никакого уважения, и нередко молодые офицеры и гардемарины строили над ними разные насмешки и пакости». Временами все же попадали на суда духовные лица иного типа, умевшие поддержать достоинство своего сана. Тот же Штейнгель говорит, что на «Изяславе», на котором он тогда плавал, был «иеромонах очень скромный, трезвый и дело свое знающий». Два мичмана, Давыдов и Богданов, позволили себе богохульство в присутствии этого иеромонаха. Тот немедленно же пожаловался на них командиру, который велел прочесть перед виновными «артикул, повелевающий за богохульство прожигать язык каленым железом». В результате, виновные «с искренними слезами раскаяния принуждены были просить священника простить их». Завалишин рассказывает, как офицеры фрегата «Крейсер», на котором он совершал кругосветное плавание, не хотели в походе исповедоваться у судового иеромонаха, а говели по прибытии в Ситку, где исповедовались у известного миссионера о. Иоанна Вениаминова, впоследствии митрополита Иннокентия¹³⁵.

Несмотря на все недостатки судового духовенства, религиозное чувство, по-видимому, все же было сильно среди флотских офицеров. Свинын приводит инструкцию капитан-командора Игнатьева, изданную в походе из Кронштадта в Средиземное море: «...на корабле вашем строго наблюдать, чтобы христианский долг свято и ненарушимо был сохраняем и имел отправление молитв и службы Божьей во все праздничные и воскресные дни. Строжайше запрещается, чтобы во время отправления молитвы никто не дерзал заниматься чем-либо другим и чтобы при соблюдении совершенной тишины и благоговения поступаемо было с должным благочестием». В Бока-ди-Катаро тот же Игнатьев «как добрый христианин, отслужил благодарственный молебен Спасителю»¹³⁶.

Правда, среди некоторых выдающихся офицеров взгляд на религию, по-видимому, был близок к английскому деизму XVIII века. А некоторые шли дальше по тому же пути. Так, о знаменитом Лазареве Завалишин говорит, что, по его понятиям: «...религия — была только необходимое политическое орудие для невежественного народа». По словам Завалишина, даже высказывал взгляд, «что, кто хочет быть хорошим морским офицером и даже вообще военным человеком, тот не должен быть христианином, и что, наоборот, христианин не может быть хорошим офицером»¹³⁷.

В разрез с этими мнениями Лазарева идут взгляды большинства морских мемуаристов того времени. Так, Коробка

говорит: «...по себе судя, не верю, чтобы мореходец... мог быть вольнодумцем. Не верю чтобы... Вольтер, Спиноза и Дидерот¹³⁸, претерпев бурю или кораблекрушение, могли остаться атеистами и посмели острить язык над святою верою. Кто на воде не бывал, тот до сыта Богу не маливался: справедливо гласит наша пословица»¹³⁹. А.П.Беляев говорит, что среди кадет Морского корпуса, в его время обучения там, было много религиозно настроенных. Эти кадеты вели по временам беседы на религиозные темы и читали книги духовного содержания. В числе этих книг была Библия издания Библейского общества, беседы митрополита Михаила и краткие жития некоторых святых. Беляев пишет: «Нравственное учение вне религии преподаваемое, во имя чего может быть обязательно для внутреннего убеждения?»

Временное увлечение Вольтером не помешало Беляеву снова вернуться к православной вере. Как он говорит: «Мы с братом были верующими христианами по своему образу мысли. Как Завалишин, так и мы считали чистую нравственность неизменным условием при устремлениях к такой высокой цели. Мы с ним были даже несколько фанатиками, в роде пуритан Кромвеля». Стоя на Сенатской площади в рядах каре восставших войск, Беляев, по его словам: «Вспомнил слова Спасителя, кто не оставит матери, сестер, имений ради Меня... тот не достоин Меня». В каземате Петропавловской крепости он «молился Богу, громко пел "Коль славен наш Господь в Сионе"»¹⁴⁰.

Адмирал Шишков был человеком глубоко религиозным. Об Отечественной войне он говорит, что десница Божия «во всю сию войну... многократно являлась, творя сии чудеса; и надпись на медали справедливо гласит: "Не нам, не нам, — но имени Твоему!"» При этой религиозности Шишков был чужд крайности мистицизма, которому отдавало такую дань русское общество конца царствования Александра I. После свидания с госпожой Крюденер «...скоро заметил я, — говорит адмирал, — что она возносясь иногда выше пределов ума, терялась в высокопарных умствованиях и вместо смиренномудрия тщеславилась показать себя вдохновенною»¹⁴¹. Завалишин, тоже человек глубоко религиозный, пишет в своих «Записках»: «Только одна истинная религия может установить безусловные обязанности — все же человеческие доказательства не могут ничего измыслить, кроме относительного права», — мысль имеющая интерес и в настоящее время. Другой декабрист-морьяк с осуждением пишет об убеждениях провинциального чиновничества: «Между этими полудивилизованными чиновниками царствует общее нашей интеллигенции равнодушие к вере. Эти великие философы считают равными все веры, потому что сами не имеют никакой»¹⁴².

Коробка, далеко не сочувствовавший Ватикану и с осуждением относившийся «к чрезмерному суеверию всемогущему в Европе в Средние века», все же ходил в Италии поклониться гробу св. Розалии, «находящемуся на горе Пелегрино», а в одно из воскресений, в бытность свою в заграничном плавании, он посетил три церкви. Коробка полагал, что «человек, способный погасить в себе угрызения совести и страх Божий, едва ли будет мыслить о будущем, вечности»¹⁴³.

по ступеням
флотской службы

по ступеням
флотской службы

Завалишин даже осуждал политику терпимости российского правительства по отношению к магометанству и ламаитству. Однако эта нетерпимость едва ли была характерна для современных ему моряков. Тот же Коробка показывает при посещении женского монастыря в Палермо не только большую терпимость, но и замечательно бережное отношение к религиозным чувствам русской монахини-католички... «Предлагал нам видиться с нею, но мы отказались по той причине, чтобы она не приняла нашего посещения за упрек в отступлении от веры»¹⁴⁴.

Дочь адмирала Н.С.Мордвинова пишет об отце, что «говоря об иноверцах, он протестантство предпочитал католицизму... но не позволял нам входить спор с иноверцами»¹⁴⁵.

Очень любопытны мысли известного путешественника Коцебу. Он приписывает прямому вмешательству Провидения избавления своего судна от опасности: «...благодаря Провидению грома, разрежаясь, исчезли в море и мы остались безвредны». С другой стороны, он крайне отрицательно оценивает роль миссионеров, как на Таити, так и на Гонолулу. «Отагейтяне страдают под тяжким игом миссионеров». В Гонолулу «господа миссионеры, не входя в природный характер сих дикарей — начали приводить в исполнение введение в христианство тем, чем должно было кончить — крестили всех без разбору... строжайше запретили всякого рода игры и даже песнопения... такие насильственные и недостойные звания апостольского меры искажают только Религию». «Миссионеры Северо-американских штатов... насильственными мерами навлекли на себя ненависть всего народа... сделано было несколькими сандвичанами покушения сжечь церковь в Гоноруре». О деятельности католического духовенства в Калифорнии Коцебу пишет: «Духовенство и поныне продолжает насильственно обращать индейцев в христианскую веру. Пастыри духовные с конвоями отправляются в леса, подобно как на охоту и, нахватав там арканами полудикарей, в минуту из идолопоклонника превращают их в христиан»¹⁴⁶.

Не обходилось и без суеверия. Не говоря уже о том, что, как Свиныин отметил, при штиле «штурмана начинают посвистывать, дабы он (ветер) сделался сильнее», но, по свидетельству того же Свиныина, известный адмирал Ханыков, строго соблюдал указания таблицы Тихо-Браге «щастливых и нещастливых дней, которые в большом почете между моряками»¹⁴⁷.

Сильное религиозное чувство среди флотской молодежи Александровского времени выросло еще в корпусе под влиянием замечательной личности иеромонаха Иова, о котором уже упоминалось выше, в части, относящейся к Морскому корпусу. Этот священнослужитель «возжигал в юных сердцах... любовь к Богу, с которой является ненависть к пороку и решимость творить только угодное Богу», пишет декабрист А.П.Беляев. В жизни кадет и гардемарин произошла, по его словам, резкая перемена. «Какое бодрствование и наблюдение за собой, какая кротость и скромность заступили место бесстыдных выражений и привычек». По словам другого декабриста, Завалишина, отец Иов был назначен в Морской корпус по тайному влиянию масонов, которые «старались в то время назначить преподавателями Закона Божия в учебные заведения людей причастных к масонству». По-видимому, первый опыт

При исследовании материала об Иове невольно возникает вопрос, насколько сильно было влияние масонства среди моряков времен Александра I.

В XVIII веке масонство пустило в России глубокие корни. Согласно известному историку русского масонства Т.Соколовской, документальные свидетельства указывают на существование русских масонских лож с 1731 года. Петр III относился сочувственно к масонам и даже подарил дом для масонской ложи. Екатерина II не предпринимала шагов к запрещению масонских лож до восьмидесятых годов XVIII века. Эти ложи открыто существовали в России до 1786 года, когда было указано ложи закрыть. В последние годы царствования Екатерины два видных деятеля русского масонства, Новиков и поручик Кречетов, были заключены в Шлиссельбургскую крепость. Павел Петрович по вступлении на престол немедленно освободил Новикова. Однако в 1799 году снова последовало запрещение лож, подтвержденное Александром I в 1802 году. Несмотря на это, уже с 1803 года число масонских лож в России начало быстро увеличиваться. Имеется даже указание, что в 1803 году сам император Александр I был посвящен в масоны. Точны эти сведения или нет, во всяком случае Александр I в течение многих лет своего царствования сочувствовал масонству. Т.Соколовская цитирует ответ русских масонов на пункты инструкции, данной Вибелю в Германии в 1818 году, что «здание масонства возобновлено и терпимо в России с 1809 года». В этот период среди русского масонства появилось очень сильное течение в сторону демократизации масонской организации. Это движение выразилось в создании новой великой ложи «Астреи» на новых основаниях, противных прежней иерархической структуре. Однако уже с 1820 года Александр I охладил к масонам и начал относиться с недоверием к их деятельности. Соколовская упоминает, что видный масон фон Визин не был назначен губернатором только вследствие своей принадлежности к масонству¹⁵².

Ложи, о которых имеются сведения относительно принадлежности к ним флотских офицеров, как то: Кронштадтская ложа «Нептуна к надежде», Ревельская «Изиды» и Петербургская «Избранного Михаила», принадлежали к союзу «Астреи». Ложа «Нептуна», так же как и «Изиды», была в числе первых, принявших эту новую конституцию (с 20 августа 1815 года), а «Избранного Михаила» примкнула к 29 января 1816 года. Мастером стула этой последней ложи был граф Ф.П.Толстой, известный скульптор, бывший морской офицер. В этой ложе участвовали декабристы капитан-лейтенант Н.Бестужев и лейтенант Гвардейского экипажа М.К.Кюхельбекер. Другой офицер Гвардейского экипажа А.П.Беляев, отец которого был масоном и занимал пост секретаря в ложе Лабзина, посещал ложу Ланского¹⁵³.

Из более старших офицеров следует упомянуть С.К.Грейга, Барша и Спиридова, игравших видную роль в деятельности военно-морской ложи «Нептун» в Кронштадте в XVIII веке¹⁵⁴.

Из морских офицеров, стоявших близко к Павлу I, были масонами С.С.Плещеев и Г.Г.Кушелев. П.П.Голенищев, служивший адъютантом при адмирале Грейге и впоследствии

назначения законоучителем масона был сделан именно в отношении Морского корпуса, «где, как полагали, менее обратят на это внимание». Завалишин говорит об иеромонахе Иове как об очень умном человеке, служившем ранее при одном из наших посольств за границей. Иов был прекрасный оратор, и, как говорит Завалишин, «увлекал... в высшие сферы мышление, что составляло совершенный контраст с преподаванием других наук и очень нам нравился». Начальство корпуса обращало мало внимания на преподавание отца Иова, которое, возможно, могло бы продолжаться много лет, если бы не произошел трагический случай, привлечший внимание как светского, так и духовного начальства. Беляев говорит: «Его постигла какая-то особенная болезнь... пришел в церковь и ножом разрезал... местные образа Спасителя, Божьей Матери и некоторые другие».

Помимо мотива болезни (то есть, другими словами, психоза) указывает еще на существование в то время, даже в среде высшего русского духовенства, тенденции к иконоборчеству: «Говорили также, что за одну книгу, переведенную на русский язык, в которой приводились иконоборческие понятия и которая понравилась Государю, был удален поставленный епископом Пензенским архимандрит Иннокентий, противившийся ее печатанию, как цензор, может быть, иеромонах Иов принадлежал к числу увлекающихся этими идеями». Завалишин пишет о том же случае, что до кадет дошел «слух, что иеромонах в припадке сумасшествия исполосовал в корпусной церкви все образа, которые были написаны на холсте, и хотел броситься из окна четвертого этажа, так что силою только был удержан за платье дьячком... Иова схватили и отвезли в Невский монастырь, а к нам нагрянул весь Св. Синод». Завалишин передает также, что была найдена исповедь отца Иова, «обличавшая страшные душевные муки человека, колеблющегося между верою и сомнением и содержащая признание в участии в масонстве»¹⁴⁸.

Комиссия, назначенная Синодом, проэкзаменовала кадет и гардемарин в вере, но, как пишет Завалишин: «Мы ответили по катехизису отлично и правильно. Стали предлагать другие, разные вопросы, — мы отвечали, с необычайным для детей разумением, по отзыву члена Комиссии, и в ответах кадет не нашли ничего предосудительного»¹⁴⁹.

По отрывочному материалу, доступному по этому вопросу, нельзя судить, насколько отец Иов сумел повлиять на кадет в смысле насаждения среди них масонских идей. Во всяком случае, даже находившийся под большим его влиянием Завалишин не сделался масоном и относился отрицательно к самой идее масонства, считая, что оно «было бездушным механическим устройством, основанном на отвлеченном только понятии»¹⁵⁰.

По словам А.П.Беляева, после удаления отца Иова из корпуса религиозное чувство, возбужденное им среди кадет, начало ослабевать. Однако воспоминания того же Беляева показывают, как значительно было влияние отца Иова на формирование его собственных религиозных убеждений. Можно думать, что высокий уровень религиозности, отмечаемый мемуаристами среди флотской молодежи, находился в связи с деятельностью отца Иова в корпусе¹⁵¹.

сделавшийся попечителем Московского университета и академиком, был также членом масонской ложи. Н.П.Римский-Корсаков и А.О.Поздеев (служивший корпусным офицером) были также масонами¹⁵⁵.

Из этих офицеров Плещеев присоединился к масонству за границей, вступив в 1788 году в организацию «Новый Израиль», основанную в Авиньоне графом Грабианкою. Имея влияние на Павла Петровича, Плещеев, назначенный в 1797 году состоять при государе, пытался вовлечь императора в масонство¹⁵⁶.

Известный государственный деятель и создатель Черноморского флота Н.С.Мордвинов был членом московской ложи «К мертвой голове».

Имеются указания, что в царствование Александра I кронштадтская ложа «Нептун» в значительной степени утратила свой облик флотской ложи, свойственный ей в царствование Екатерины II, и объединяла проживавших в Кронштадте иностранцев, так же как и русских офицеров и гражданских чиновников этого города. Из письма князя П.М.Волконского В.Васильчикову от 7/19 1820 года видно, что в кронштадтской ложе принимали участие и гвардейские офицеры: «...с некоторого времени государь замечает, что много офицеров разных полков ездят в Кронштадт, так как там существует масонская ложа, вновь устроенная»¹⁵⁷.

После запрещения масонских лож 1 августа 1820 года в правительственных сферах существовало мнение, что «коль скоро ложи закроются, тогда члены оных или братья, как насекомые, расползутся по всем углам и, не имея над собой ни малейшего уже надзора, более и более заражать будут простодушных, непросвещенных и любопытных сограждан своих, тем паче что бдение полиции не в силах тогда будет объять всех частичных их действий». Масоны пели перед самым запрещением:

«Свяжите крепче, узел братства;

Мы счастливы, нам нет препятства

Для добрых и великих дел»¹⁵⁸.

Однако запрещение положило, по-видимому, резкий предел распространению масонства и оторвало от него значительное число членов. Беляев указывает, как запрещение повлияло на масонов-моряков: «...когда мы стояли с фрегатом в Бресте... гость... при пожатии руки подал... масонский знак... наш офицер прежде был масоном, то и ответил тем же... старший лейтенант фрегата Константин Иванович Ч... просил передать гостю, что у нас в России масонство запрещено»¹⁵⁹.

Многие русские масоны поступали в ложи в бытность за границей. Есть указание на то, что неаполитанские карбонарии имели связи в России и даже были осведомлены о подготовке декабрьского восстания. Возможно, что эти связи установились во время длительных плаваний русских эскадр в Средиземном море. У Броневского есть в его «Записках» двусмысленная фраза «Бедные жители сих гор имеют свое пропитание от продажи угольев, почему и называют их карбонарами (угольщиками)».

Не исключена возможность, что тут имеется намек на итальянских карбонариев¹⁶⁰.

Среди флотской молодежи влияние масонства очень упало в последние годы царствования Александра I. Имеются сведе-

по ступеням
флотской службы

по ступеням
флотской службы

ния, что А.Беляев оставил свою мысль сделаться масоном из-за насмешек товарищей. Известный историк Семевский отмечает: «...то обстоятельство, что большинство декабристов непродолжительное время оставались масонами, очевидно свидетельствует, что масонство их не удовлетворяло». Штейнгель, приглашенный к участию в масонской ложе «Тройственный рог изобилия», отказался вступить в нее «по той причине, что имел случай видеть вблизи все ничтожество лиц, по масонерии значительных»¹⁶¹.

По недостатку более обширного материала, доступного автору, приходится удовольствоваться этими ограниченными сведениями о масонстве на флоте.

Политические убеждения моряков начала XIX века, а в частности, участие их в тайных обществах и декабрьском восстании, по недостатку места, не удастся разобрать сколько ни будь полно. По этому вопросу имеется значительный печатный документальный материал в американских библиотеках, и автор надеется посвятить впоследствии этому вопросу отдельное исследование. В настоящем же очерке проблема политических убеждений и революционного движения среди флотского офицерства времен Александра I будет обрисована лишь в самых кратких чертах.

Адмирал Н.С.Мордвинов, самый выдающийся по уму и широте государственных взглядов русский морской офицер начала XIX века, пользовался очень большим влиянием и популярностью во флотской среде своего времени. Эта популярность даже пережила его. В 1845 году на его похороны, по словам его дочери, «приходили толпою... особенно... моряки, большая часть совершенно незнакомые». Мордвинов был убежденный монархист. Он говорил: «Беда была бы России, если бы власть находилась в многих руках»¹⁶².

Однако в своем известном «Мнении» о правах Сената он пишет: «Правительства различествуют между собой правами и ограничениями действия властей, составляющих оное, кои суть: законодательная, исполнительная, судебная. Соединение сих трех властей в одном лице или одних лицах принадлежит деспотическому управлению и сим единым соединением различествует оно от монархического... Законодателя и судью соединить невозможно в одном лице без нарушения первых правил Правосудия... Желательно, чтобы Сенат сделался телом политическим. Права, на некоторых только лицах основанные, не могут иметь твердости... Права политические должны быть основаны на знатном сословии весьма уважаемом, дабы и самые права восприняли таковое же уважение... настоящие обстоятельства, кажется, благоприятствуют ко введению избрания части сенаторов от каждой губернии... каждая губерния может присылать по два депутата в Сенат... право не может быть без свободы, и власть политическая не может существовать без прав; но право же свободного избрания есть существенное и коренное начало и основание тела политического или власти, содействующей в управлении царств земных»¹⁶³.

В этих фразах зерно проекта аристократической конституции — монархизма в отличие от деспотизма.

Как известно, Мордвинов намечался в число членов регентства декабристов, в коллеги Сперанскому. Есть также сведения,

что кроме этого адмирала, «который приобрел себе репутацию русского Аристида», хотели также пригласить в регентство другого выдающегося моряка того времени Д.Н.Сенявина. Семевский пишет: «...по словам С.Муравьева-Апостола, князь Трубецкой одно время предполагал сделать членом временного правления вместе с Мордвиновым и Сенявина. О том же рассказывал Пестель»¹⁶⁴.

Граф А.Х.Бенкендорф в политическом обзоре, сделанном после декабрьского восстания, называет Мордвинова главою группы «русских патриотов». Эта группа, по мнению главы жандармов, «была очень сильна числом своих приверженцев... Все старые сановники, праздная знать и полуобразованная молодежь следует направлению, которое указывает им их клубом (cercle) через Петербург... с пафосом повторяются предложения Мордвинова, его речи... Это самая опасная часть общества, за которой надлежит иметь постоянное и возможно более тщательное наблюдение. В Москве нет элементов, могущих составить противовес этим тенденциям... Партия Мордвинова опасна тем, что ее пароль спасение России... осуждают мероприятия правительства, кричат против немцев и желали бы видеть Мордвинова руководителем административных дел... молодежь, т. е. дворянин от 17 до 25 лет, составляет... самую гангренозную часть Империи... мы видим зародыш якобинства, революционный и реформаторский дух... чаще всего прикрывающийся маской русского патриотизма... в массе... три четверти из них либералы»¹⁶⁵.

Если даже скинуть с весов вероятное преувеличение влияния Мордвинова и духа либерализма среди дворянской молодежи того времени, все же намечается картина, что Мордвинов был лидером значительной части образованного общества, стремившегося обеспечить за дворянством определенные политические права. В том же рапорте Бенкендорфа есть любопытные указания на настроения флотского офицерства до декабрьского восстания и после. Видимо, шефу жандармов было очень трудно получить какие-либо точные сведения о политических взглядах тесно сплоченного флотского офицерства. Все же видно, что одной из причин недовольства моряков в конце царствования Александра I было то, что, по их мнению, флот превратился в жалкое «подобие флота». После вступления на престол Николая I моряки были недовольны тем, что от них требовали, «по их выражению, пехотной выправки. Они говорят, что на это у них нет времени, и что подобная выправка не соответствует роду их служб». Несмотря на это, очевидно, что внимание, уделенное Николаем I флоту, дало офицерам большое нравственное удовлетворение. Флот, словами того же рапорта Бенкендорфа, «благодаря особой заботливости Государя, представляет в настоящий момент внушительную силу», хотя «...флотские офицеры много говорят о неосмотрительности, с которой строят суда». Очень возможно, что этот элемент профессионализма преувеличен Бенкендорфом¹⁶⁶. Однако он бросается в глаза и в случае декабриста капитан-лейтенанта Торсона. Поэтому не исключена возможность взгляда, что значительный процент флотских офицеров среди осужденных по делу тайных обществ находился в некоторой связи с пренебрежением флотом во

ПО СТУПЕНЯМ
ФЛОТСКОЙ СЛУЖБЫ

ПО СТУПЕНЯМ
ФЛОТСКОЙ СЛУЖБЫ

вторую половину царствования Александра I. Как известно, флотские офицеры составляли четвертую часть осужденных по делу Северного общества. Если же прибавить к их числу еще осужденных бывших флотских офицеров — барона Штейнгеля и М.Бестужева, то это отношение возрастет еще более¹⁶⁷.

Из трех строевых частей, принявших активное участие в декабрьском восстании, Гвардейский экипаж был единственный, пришедший на Сенатскую площадь в полном составе, с ротными командирами и большею частью офицеров. Об этом Завалишин пишет в своих «Записках»: «Всем известно, что Гвардейский экипаж был приготовлен лучше всех других полков и был единственным войском, вышедшим на действие 14 декабря в совершенном порядке и полном составе, со всеми своими офицерами»¹⁶⁸.

Напомним, что роты Московского полка, вышедшие на Сенатскую площадь, были подняты главным образом бывшим флотским офицером М.Бестужевым. Старшим в чине офицера в каре восставших был опять-таки флотский офицер — капитан-лейтенант Н.Бестужев. Создается, таким образом, впечатление, что флот принимал самое энергичное участие в восстании при хотя бы пассивном сочувствии некоторых старших чинов, на что может указывать включение Н.С.Мордвинова в регентство, предположение включить Д.Н.Сенявина и участие адмирала Головнина в Тайном обществе. Из этого можно вывести заключение, что в революционное движение была вовлечена значительная часть флотского офицерства. В пользу такого мнения можно привести заявление Завалишина, что «за исключением действующих на площади и взятых с оружием в руках, никто из других членов общества, которые имели непосредственные сношения только со мною, не были арестованы, и только Феопемт Лутковский был сослан на Черное море». Замечание Н.Бестужева в разговоре с Рылеевым, что «Кронштадт есть наш остров Леон», — намек на роль, которую сыграло восстание Риго в испанской революции, — можно также принять как указание на то, что декабристы имели основание рассчитывать на серьезную поддержку флотских офицеров кронштадтских экипажей. Наконец, по словам М.Бестужева, Морской корпус прислал депутацию на Сенатскую площадь:

«Я проходил фас моего каре, обращенный к Неве, и вижу приближавшихся кадет Морского и 1-го Кадетского корпуса.

— Мы присланы депутатами от наших корпусов для того, чтобы испросить позволения придти на площадь сражаться в рядах ваших, — говорил, запыхавшись, один из них...

— Благодарите своих товарищей за благородное намерение и поберегите себя для будущих подвигов, — я ответил им серьезно, и они удалились».

Есть еще одно указание на сочувствие кадет и гардемарин декабристам. При первом посещении Николаем I Морского корпуса на его приветствие: «Здорово, дети», кадеты отвечали молчанием, а в коридоре, по которому царь проходил в столовый зал, они поставили миниатюрную виселицу с пятью повешенными мышами¹⁶⁹.

С другой стороны, из воспоминаний дочери адмирала Мордвинова, что, когда 14 декабря «вдруг мы услышали шум на

улице, бросились к окну и увидели идущих в беспорядке солдат экипажа-гвардии, которых вел офицер с обнаженной саблей, и оборачиваясь беспрестанно к ним, говорил с большим жаром, то адмирал Мордвинов велел заложить карету и послал сказать сыну, чтобы тот ехал с ним во дворец; когда Государь в опасности, наш долг быть при нем»¹⁷⁰.

Рылеев определенно показал на следствии, что «особаго морского общества не существовало». Правда, Рылеев надеялся при посредстве братьев Бестужевых и Торсона создать отделение общества в Кронштадте. Однако эти морские офицеры отговорили Рылеева, утверждая, что этот план неосуществим. После совместной с ним поездки в Кронштадт Рылеев и лично убедился, что там нет благоприятной почвы для развития деятельности тайного общества. Как говорил Торсон: «...старшие офицеры ни один не примет участия, что ни ему, ни Бестужеву повиноваться никто не будет, что рядовые всегда скорее послушают старших офицеров... составлять общество между моряками не буду».

И.М.Троицкий, автор вступительной статьи к «Статьям и письмам» Н.Бестужева, замечает, что чрезвычайно интересна попытка Рылеева получить опорную почву во флоте, как он говорит, «первой и наименее аристократической части офицерства, тесными нитями связанной с такими буржуазными организациями, как Российско-Американская компания»¹⁷¹.

В свете замечаний Торсона и отказа Рылеева от образования отделения общества в Кронштадте, это суждение кажется мало обоснованным. Неверно и то, что флотское офицерство было «наименее аристократичною частью офицерства». По сравнению с армейскими офицерами моряки были скорее более, чем менее, «аристократичными», если это понятие вообще допустимо при рассмотрении вопроса о российском служилом дворянстве. Попытка историка-марксиста подвести классовое основание под факт участия некоторых флотских офицеров в Тайном обществе неубедительна.

При неполном обследовании материалов затруднительно предложить вполне обоснованное объяснение этому участию. Во всяком случае обследование списка осужденных участников декабрьского восстания в связи со свидетельством мемуаров Завалишина, Беляева и других декабристов заставляет думать, что главное ядро осужденных моряков, офицеры Гвардейского экипажа, приняли участие в движении главным образом потому, что они находились под влиянием исключительно сильной личности — Завалишина, а также благодаря непосредственной связи Арбузова с Рылеевым, и энергичному вмешательству Н.Бестужева в самый день восстания. Офицеры Гвардейского экипажа, проживая в Петербурге, находились в постоянном общении с офицерами гвардии и имели знакомство и связи в петербургском обществе. Это общение создало в них настроения, отличные от господствовавших среди флотских офицеров Кронштадта. Настрой офицеров Семеновского, Финляндского и других оппозиционно настроенных полков гвардии передавался и им.

Роль семьи Бестужевых во всех этих событиях также очень значительна. Однако, насколько можно судить, Н.Бестужев втянулся и в масонство, и в Тайное общество не потому, что он был моряком, а потому, что происходил из Петербургской

по ступеням
флотской службы

по ступеням
флотской службы

интеллигентской семьи, прочно связанной с интеллигенцией столицы. Даже масонская ложа «Избранного Михаила», к которой он принадлежал, была интеллигентской, а не военной. Торсон втянулся в движение в результате служебных разочарований.

Можно думать, что в конце царствования Александра I флотское офицерство было недовольно правительством, но от недовольства, вызванного, вероятно, в значительной степени развалом флота, до революции еще далеко. Поэтому-то Рылеев и не мог найти себе поддержки в Кронштадте.

После этого неполного исследования материала по флотскому офицерству начала XIX века пора вернуться к гоголевскому лейтенанту и посмотреть, каким он представляется на основании этого разбора.

Через дымку завесы столетия, отделяющего нас от времен Сенявина, мы видим Балтазара Балтазаровича не в кривом зеркале гоголевского юмора, а таким, каков он был на самом деле. В стареньком скромном зеленом мундире с белыми выпушками, сшитом корабельным парусником, в порыжелой шляпе, стоит он на пушке наветренных шханец, с рупором в руке, внимательно вглядываясь в штормовые облака на горизонте. Временами он быстро окидывает взглядом паруса круто накренившегося, режущего зелено-серые волны Финского залива фрегата. Тропическое солнце покрывало бронзой его лицо. Он несет в сумрачный Кронштадт мечту о коралловых атоллах Тихого океана, грезу о новой Российской империи на Тихом океане — от Аляски до Мексики. Он вспоминает веселых знакомых Палермо, Мессины, Триеста и Венеции; боевой клич сыновей Черной горы, ряды синих французских вольтижеров, отступающих под натиском матросского десанта.

Горячий патриот, культурный человек, опытный моряк, смело глядевший в жерла турецких корабельных пушек и на штыки наполеоновской пехоты, Балтазар Балтазарович несет из своего «дальнего вояжа» еще более горячую любовь к Родине, чем та, с какой он отплывал от русских берегов три года назад.

Он невесел. Флот сокращают. Корабля ему не получить в командование. Он знает, что близка отставка, полуголодная жизнь в Петербурге или прозябание в каком-нибудь медвежьем углу. Лейтенант все же мечтает о семье, о том, что его сын будет когда-нибудь бравым мичманом; что ему будет кому передать заветы Сенявина и рассказать героическую эпопею русского флота в Средиземном море.

Из кают-компания доносятся звуки гитар и слова песни, сложенной в честь Сенявина на Портсмутском рейде:

«Начальник, славою венчанный,
Являет нам собой отца.
Врагов России победитель,
И счастья нашего творец,
Надежда всех и покровитель,
Муж незабвенный для сердец»¹⁷².

Примечания

¹⁷⁰ Штейнгель В.И. Записки. С. 367–368; Завалишин Д.И. Записки. Т. 1. С. 104.

¹⁷² Свиньин П. Воспоминания на флоте. Ч. 1. С. 53, 145.

- ¹³⁷ Завалишин Д.И. Записки. Т. 1. С. 93.
- ¹³⁸ Имеется ввиду Д. Дидро (Diderot). — Прим. ред.
- ¹³⁹ Броневский В. Письма. Ч. 2. С. 374.
- ¹⁴⁰ Беляев А.П. Воспоминания декабриста. С. 63–68, 88–90, 134–135, 164, 169–170.
- ¹⁴¹ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка. Т. 1. С. 137, 138, 281.
- ¹⁴² Завалишин Д.И. Записки. Т. 1. С. 202; Беляев А.П. Воспоминания. С. 305.
- ¹⁴³ Броневский В. Письма. Ч. 2. С. 17, 22, 23, 56, 65.
- ¹⁴⁴ Завалишин Д.И. Записки. Т. 1. С. 262; Броневский В. Письма. Ч. 2. С. 35.
- ¹⁴⁵ Мордвинова Н.Н. Воспоминания об адмирале графе Н.С.Мордвинове. С. 43.
- ¹⁴⁶ Коцебу О. Указ. соч. С. 46, 60, 137–139, 148–149, 162.
- ¹⁴⁷ Свиньин П. Указ. соч. Ч. 1. С. 48; Ч. 2. С. 120.
- ¹⁴⁸ Беляев А.П. Воспоминания. С. 64–66; Завалишин Д.И. Записки. Т. 1. С. 55–57.
- ¹⁴⁹ Завалишин Д.И. Т. 1. С. 57.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 22.
- ¹⁵¹ Беляев А.П. Воспоминания декабриста. С. 67.
- ¹⁵² Соколовская Т. Русское масонство и его значение в истории общественного движения. СПб., 1907. С. 6, 10, 11, 12, 15–17.
- ¹⁵³ Там же. С. 62; Беляев А.П. Воспоминания декабриста. С. 84–85; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. С. 293.
- ¹⁵⁴ Отметим, что на работу Т.Соколовской впоследствии ссылались многие, желавшие видеть в масонах «корень зла». Так, фрагмент книги Н.Е.Маркова «Война Темных сил», опубликованной в конце 1920-х гг. в Париже, был перепечатан в издававшемся в Праге М.С.Стахевичем «Морском журнале»:
«Насколько военные ложи вредно действовали на дух и дисциплину военных начальников, видно из письма русского масона-адмирала Грейга к своему масонскому главе шведскому иллюминату герцогу Карлу Зюдерманландскому. Во время русско-шведской войны в Гангутском (sic! — Ред.) сражении Грейг командовал русской эскадрой, а герцог Зюдерманландский шведской. И вот, после сражения Грейг пишет неприятельскому адмиралу и хвастается ему, что он, Грейг, запретил своим кораблям отвечать на выстрелы шведского флота калеными ядрами, хотя у него на корабле трижды загорались паруса от каленых ядер шведов... (См.: Соколовская Т. Русское масонство. С. 83)» (Морской журнал. 1928. № 9. С. 16).
- В этой публикации также содержались сведения о том, что масонами являлись некоторые эмигранты, например, контр-адмирал С.С.Погуляев. Уже через месяц М.С.Стахевич извинился перед читателями и сообщил, что редакция получила материалы, эти факты опровергающие. — Прим. ред.
- ¹⁵⁵ Соколовская Т. Русское масонство. С. 81, 164, 165, 167, 170, 179.
- ¹⁵⁶ Русский биографический словарь. Т. 14. С. 1134.
- ¹⁵⁷ Соколовская Т.: 1) Возрождение русского масонства при Александре I // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. С. 170, 176, 201; 2) Русское масонство. С. 17.
- ¹⁵⁸ Соколовская Т. Возрождение масонства. С. 134, 138.
- ¹⁵⁹ Беляев А.П. Воспоминания декабриста. С. 85–86.
- ¹⁶⁰ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. С. 328, 367; Броневский В. Записки. Ч. 4. С. 232.
- ¹⁶¹ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. С. 322; Штейнгель В.И. Записки. С. 397.
- ¹⁶² Мордвинова Н.Н. Воспоминания об адмирале графе Н.С.Мордвинове. С. 105.
- ¹⁶³ Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. 221–225.
- ¹⁶⁴ Завалишин Д.И. Записки. С. 327; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. С. 494.
- ¹⁶⁵ Граф А.Х.Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. Т. 1 (38). 1930. С. 145, 149, 150.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 130.
- ¹⁶⁷ Дрезен А. Казнь моряков декабристов // Красный архив. Т. 6 (13). 1925. С. 292.
- ¹⁶⁸ Завалишин Д.И. Записки. Т. 1. С. 249. Завалишин несколько преувеличивает. Не все офицеры Гвардейского экипажа вышли на площадь. (См. Воспоминания Бестужевых. С. 189.)
- ¹⁶⁹ Завалишин Д.И. Записки. Т. 1. С. 249; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. С. 176, 496; Воспоминания Бестужевых. С. 146–147.
- ¹⁷⁰ Мордвинова Н.Н. Воспоминания об адмирале графе Н.С.Мордвинове. С. 81, 82.
- ¹⁷¹ Троицкий И.М. Н.А.Бестужев // Н.А.Бестужев. Статьи и письма. М., 1933. С. 10–11, 64.
- ¹⁷² Там же. С. 64.